

ЕЛИЗАВЕТА
ДЪЯКОНОВА

Дневники
русской женщины

ВСЕМИРНАЯ
ЛИТЕРАТУРА

Всемирная литература

Елизавета Дьяконова

Дневники русской женщины

«ЭКСМО»

1902

УДК 929(47)
ББК 63.3(2)53-8

Дьяконова Е. А.

Дневники русской женщины / Е. А. Дьяконова — «Эксмо»,
1902 — (Всемирная литература)

ISBN 978-5-04-185068-5

Елизавета Дьяконова (1874—1902) — писательница, публицист и яркая представительница прогрессивной части русского купечества XIX века. В ее «Дневниках русской женщины», которые она вела с 11 лет и до самой смерти, отразилась целая эпоха: семейные отношения, учеба, проблемы женского высшего образования, жизнь молодежи и студенчества 1890-х годов, личные переживания, портреты друзей и формирование женского движения. Переживания и трудности на пути взросления, описанные Дьяконовой, остаются близкими читателям даже спустя столетие. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 929(47)
ББК 63.3(2)53-8

ISBN 978-5-04-185068-5

© Дьяконова Е. А., 1902
© Эксмо, 1902

Содержание

Мой маленький дневник	6
1886 год	6
1887 год	8
1888 год	9
1889 год	23
1890 год	39
1891 год	47
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Елизавета Александровна Дьяконова
Дневники русской женщины

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Мой маленький дневник 1886–1895

1886 год

Нерехта, 31 мая. О Боже мой! что за день был сегодня! Этот день для меня важный, потому что я получила хороший аттестат – плод моих трудов за два года. Мне всего только 11 лет, я поступила во второй класс Нерехтской Мариинской женской прогимназии. Итак, сегодня, в субботу, должна была решиться судьба 16 человек! Немногие из этого числа остались, всего пять-шесть, остальные вышли. После раздачи наград и аттестатов наступило время расстаться. Я живо помню, как мы собрались в умывальной и все заплакали. Только учителя и начальница смотрели на это расставание равнодушно, а некоторые из публики насмеялись над нами. Я была подругой Мани, и, прощаясь, мы так разрыдались, что, кажется, только каменный человек равнодушно смотрел бы на эту картину. Не такие мы девочки, чтобы не плакать о подругах, как думают учителя! Да, много слез было пролито, много было обниманий и целований!

– Никогда я тебя не забуду, пиши, ради Бога, чаще, – слышалось сквозь слезы и рыдания Мани. Классные дамы чуть не плакали, глядя на нас. Милые подруги, все мы друг друга любим, но, может быть, никогда не увидимся.

Мама говорит, что меня отдадут учиться в Сиротский дом в Ярославль. Там живет моя бабушка, мне будет хорошо.

15 августа. Долго, очень долго я не говорила с тобой, мой миленький дневник. Целых 2½ месяца. Такое время для меня очень долгое, и между тем я не могла писать, потому что боялась, чтобы не увидела мама или гувернантка; если они увидят, то будет плохо. Ведь я пишу скверно, будут смеяться. Но надо писать. Сегодня мое рождение, с этих пор я буду писать аккуратно, каждый день, или каждую неделю. Мамочка завтра повезет меня в гимназию, я уже все уложила и готова в дорогу. Может быть, я вернусь домой, не знаю. Если не вернусь, прощай, милая Нерехта, сестры и мама, дом, сад и река Солоница!

Н.В. Как бы не забыть сделать себе для дневника новую тетрадь и очинить карандаш...
12 лет!!!

Ярославль, 18 августа. Милый дневник, меня приняли в 4-й класс! Мама рада, а я не знаю – радоваться ли мне или нет. Сегодня утром меня привезли сюда, в гимназию. Как скучно без мамы и без бабушки! Сестры, братья далеко. Я не испугалась множества девочек; напротив, мне стало легче, но все-таки без мамы жить трудно и скучно.

21 сентября. Познакомилась с одной воспитанницей 6-го класса Маней Л. У нее есть большой секрет, который знала только Маня Б., а сегодня и я узнала, что она любит Маню Д. Милая Маруся, измучили мы ее совсем. На меня сейчас рассердилась, и я убежала сюда писать.

22 октября. Опять, опять я долго не писала, милый дневник! Самое название *дневник* происходит от слова *ежедневно*, а я разве каждый день пишу? Много бы, очень много надо написать сюда, но некогда. Все эти дни были полны сомнений, тревоги за себя и за других, и радости, которой, впрочем, было немного... Зачем подруги скрывают от меня все, все? С

тобой, мой милый дневник, с одним тобой могу я говорить! и знаю, что хоть от этого мне легче.
Ты – тайна для всех, даже и для мамы...

1887 год

Нерехта, 4 января. Новый год. Мы его не встречали, мама за последнее время то довольна, то нет... Скоро мы уезжаем жить из Нерехты в Ярославль... Папа очень болен... Боже, что я там буду делать? Еще зиму прожить в городе ничего, кроме того, в учебном заведении, но летом, что там делать летом? Я так привыкла к чистому свежему воздуху, а в Ярославле?! В эти святки вместо того, чтобы веселиться, наблюдаешь вокруг себя недовольных сестер, братьев, укладку вещей и прислугу, вечно занятую. Теперь все чаще и чаще приходится видеть, как пустеют комнаты...

...Сейчас ударили три раза в колокол, о. Петр, наш духовник, умер. Вчера еще кого-то хоронили. Господи, что же это? Зачем, зачем все эти покойники, пожар, выезд из родины? Больше всего боюсь: вдруг умрет папа, доктора говорят, что он дольше недели не проживет. Мне его очень жаль, мне страшно, сама не знаю чего... Не знаю, что теперь делать? Эта укладка вещей, внезапный переезд – все мне кажется смутным сном. Сознаю я одно: не увижу я больше Нерехты, последний раз теперь дома...

10 января. Сейчас отсоборовали папу. Не могу передать того чувства, которое овладело мною, когда я вошла в его комнату. Мне хотелось плакать, но я не могла, что-то сдавило мне горло. Забывшись, я держала свечу почти над головой, и бабушка меня много раз поправляла. Как не совестно Наде, она стояла в другой комнате, пока соборовали папу, и все время плакала. Что это за нервы некстати. Уж лучше бы молилась.

Боже мой, зачем ты меня не взял к себе, ведь я такой человек, которого «убыль его никому не больна, память о нем никому не нужна» – невольно пришли на мысль стихи Никитина или Некрасова, не знаю.

12 января. Теперь, когда я уезжаю, может быть, надолго из Нерехты, я должна дать себе отчет в том, как я провела Рождество. Нельзя сказать, что весело, а нельзя сказать, что и скучно. Весело быть не могло потому, что мы собирались уезжать и болен папа. Скучно же не могло быть потому, что я была рада увидеться с сестрами и братьями. Кажется, все были рады моему приезду, и день-два все шло хорошо; но, Боже, что стало потом! Драки, ссоры, слезы, все это пришло в действие. Я часто ссорюсь с Валей. Ох, уж эта Валя! Мне кажется, что она похожа на крючок: уколоть кого-нибудь язвительным словом, заметить что-нибудь, потом насмеяться – вот милые привычки моей младшей сестрицы. Что касается до моей другой сестры, Нади, то сплетни, пересказы разных городских кумушек составляют ее любимую сферу. Теперь, когда я заметила все дурные стороны моих сестер, надобно сказать и о своих. Я страшно вспыльчива, нетерпелива, упряма, и с этими тремя прекрасными качествами мне приходится жить среди таких сестер, которых характеры решительно не подходят на мой: они обе не вспыльчивы, обе терпеливы, но... обе упрямы, даже, может быть, больше меня. Ну, теперь можно ли сказать, что я прожила здесь весело? Ни в каком случае. Все дни, исключая счастливых часов, которые я была с мамой и в дружбе с сестрами и братьями, были какой-то передрагой, мучительной, бестолковой.

Прощай, дорогая, милая Нерехта, прощайте все подруги, все те места, в которых я проводила счастливейшие минуты моей жизни!..

1888 год

Ярославль. 2 января. Снова начинаю дневник, целых 4 месяца ничего не писала... Мне несколько не скучно дома одной, напротив – очень весело. Сейчас только что я кончила игру на рояле, и когда играла «Зеленый остров», то мне слышались слова: жизнь вся еще впереди. Это верно. Я начинаю думать, что всякий самый скучный этюд может что-нибудь говорить...

4 января. Сегодня год, как умер о. Петр. Как много изменилось за это время! И я сама стала не та, что прежде, а гораздо хуже. И как не испортиться характеру, если приходится постоянно сердиться то на братьев, то на сестер. Правда, я прежде была лучше, теперь я все возражаю маме. Но... не возражать ей невозможно, потому что мама противоречит сама себе на каждом шагу.

Мои милые братцы с каждым днем становятся хуже, в особенности Володя, он портит Сашу, я это вижу, мне страшно за Сашу и... ничего не могу сделать. Да, ничего не могу, потому что мама запретила мне мешаться в дела детей. Но поневоле вмешиваешься, когда видишь, что характеры их с каждым днем хуже. Пусть Володя делает, что хочет, мне не так его жаль, как Сашу, это мой любимый брат, и если он будет таков, как Володя, то ему придется плохо. Не знаю почему у меня в голове сидит мысль, что Саша рано или поздно с ума сойдет. С тех пор, когда я ласкаю и учу Сашу, эта мысль постоянно приходит мне в голову, и мне так хочется плакать.

Боюсь я, чтобы дневник мой не попался в руки мамы, что тогда будет!..

Ярославль, 5 мая. Я начала вести дневник с 11-ти лет, значит, этому занятию уже около двух лет, но проклятая лень мне мешает писать: я вела дневник с такими перерывами, что и сама им удивляюсь. Сегодня мне захотелось вырваться скорей, скорей из нашей квартиры в Нерехту; я не могла сидеть на месте и бегала до усталости, словно кто толкал меня, из комнаты в комнату. Вечер выдался хороший, я читаю. Только что кончила «Записки лишнего человека» Тургенева. Последний его день, 1 апреля, навел меня на мысли о папе. Вот уже год и 3½ месяца прошло после его смерти, а мне все еще не верится, что он умер. Я и все мы не говорим никогда «покойный папа», а просто «папа», как будто он всегда с нами. Действительно, когда я думаю о нем или гляжу на его портрет в гостиной, я чувствую, что папа жив, что он говорит и чувствует, как мы. Папа никогда не умрет; он всегда со мною, точно так же как и Бог.

Сегодня за французским классом случилось происшествие: Наталья Францевна наказала апельсин. У Насти У-вой был апельсин; от скуки она вынула его из кармана, апельсин, разумеется, пошел по рукам, все начали нюхать его, лизать. Наконец беспорядок был замечен Н.Фр., и после печального признания Насти, что беспорядок причинен апельсином, несчастного вытащили на стол и торжественно накрыли толстой грамматикой; в этом положении апельсин оставался до конца класса.

7 мая. Ха, ха, ха, ха! вот смешное, глупое и печальное приключение! Сегодня, ехавши в баню, я и Надя потеряли по калоше! Это происшествие вызвало целую бурю: мама читала нотацию, Ал. Ник. говорила, что только у Д-ых и могут случаться подобного рода вещи. Перед ужином мы вместе решили, что это проделка нечистой силы; наказание Божие за нерадение к молитве. Надя говорит, что сегодня она не помолилась внимательно, и если утром хорошо не помолиться, то непременно случится несчастье; что если много смеяться, то это не к добру, – я с этим вполне согласна. Я (вот грешница) уже с Рождества читаю только по три молитвы, и решила наказать себя за небрежность: спать на полу. Валя слушала, да и сказала:

– Дуры! рассуждайте о том, как бесенок ваши калоши утащил, я уйду.

Я и Надя решили, что в каждом человеке есть бес, который соблазняет человека на все дурное. Но ведь сегодня я была в бане; чистая – и вдруг спать на грязном полу! Сегодня мама без ужина оставила за непослушание; это полезно: нужно как можно меньше есть, теперь скоро экзамены. Добрая Саша, горничная, жалилась надо мной: оставила котлетку и предложила ее мне; но я испугалась, чтобы мама не увидела, и отказалась... съем завтра, она в шкафу стоит!.. Спорила с Володей: утверждает, что похож на папу, я говорю – на маму. Мысль о папе мне все чаще приходит в голову; что если и я умру? А ведь бес во мне сидит, он меня толкнет прямо в ад! Страшно!

25 мая. Вот так дневник! Ведется через два, а то так и через 12 дней! А что, подумаешь, мешало? Мамы боюсь, лень мешает, читать вечером хочется. Вот 7 слов. Коротко и ясно... Экзамены, экзамены! Страшное слово, а для меня в особенности. Сегодня я неверно решила уравнение. Кажется, готова утопиться при одной этой мысли! Господи! я гадкая, отвратительнейшая из всех в мире – прошу не отказать в одной помощи: дай из математики 3, а из франц. 3. Помогите, Боже, хоть на эти два балла! Внуши, Боже, всему Совету перевести меня. Я не совсем здорова, и слава Богу – никто за мной не ухаживает; напротив, все говорят, что я притворяюсь: ну, последнее-то похуже первого, да наплевать на эти нежности телячьи! Дети отвратительны; узнали, что у меня уши болят – целый день свистят и ворчат; и то и другое сильно отзывается на больной голове. Гадкие! не люблю их. Теперь довольно, – голова болит от писанья.

26 мая. Вот счастье! Второй раз мамы дома нет, писать можно. Сегодня днем был доктор. Он прописал мне душ для продувания ушей, потом велел употреблять ирригатор для промывания носа. Когда им пользуются, то наполняют составом, разведенным на два стакана воды по одной чайной ложке; когда начнут воду пускать в нос, то нужно говорить «а, не, мо, не». Очень это смешно! Этот доктор, славный человек, нашел меня малокровной, только не очень, а румянец объяснил нежностью сосудов в коже. Сказал, что нужно принимать железо и еще что-то такое, но мама не хочет; я не особенно этим довольна, но притворяюсь покорною маме. Доктор узнает малокровие так: посмотрел мне в рот и заметил, что окраска языка и нёба очень бледна, потом в глаз; потом приставил трубочку к шее и послушал. Еще нашел, что я очень нервна и живо все делаю, и скоро все бросаю; как узнал – для меня неразрешаемая задача... Довольно о докторе. Завтра отправляюсь в Сиротский дом за билетом: если провалюсь – что тогда делать? Как явиться домой? – Нет, убегу непременно... как, куда? нужно взять денег на всякий случай, хоть 1 рубль. Убегу, убегу! Вечный стыд и позор и без этого будет на тебе, так если и убежишь, хуже позора провала нигде не найдешь.

27 мая. Ураа! перешла в 6-й класс! Все рады, а я больше всех. В гимназии, благодаря ужаснейшей свинье N, нашла Катю Е. в отчаянии: она провалилась и, кажется, покушалась на самоубийство, да не удалось. За ней теперь во все глаза смотрят: сидит бледная, как смерть, и ничего не понимает. У-кая, вероятно, скоро умрет; она чахоточная и пол... не могу написать: страшно сказать, до чего довело ее зазубривание всевозможных учебников; теперь она почти ничего не понимает, о своем положении ничего не мыслит. И Маргариту мне очень жаль: я страшно за последние дни сошлась с ней, теперь ее исключили, а впереди бедность, молодость, отчаяние и печаль, бесполезность близким людям и обществу. Она хочет трудиться; труд ей не страшен, но ни одна из профессий, доступных женщинам, ей не подходит: учительницей – места нет; швеей – шить не умеет, и т. д. Я вообще вышла сегодня из Сиротского дома с 3-мя впечатлениями, которые смешались и спутались точно тысяча: 1) радость, что я 6-я, старшая, 2) жалость и ужас ко всем оставшимся и исключенным, в особенности к Маргарите, 3) желание помочь всем несчастным и страстное желание им всех радостей.

«Любите друг друга, отцы. Любите народ Божий. Не святее же мы мирских за то, что сюда пришли и в сих стенах затворились, а напротив, всякий, сюда пришедший, уже тем самым, что пришел сюда, познал про себя, что он хуже всех мирских и всех и вся на земле. И чем далее потом будет жить инок в стенах своих, тем чувствительнее должен и сознавать сие. Ибо, в противном случае, незачем ему было и приходить сюда. Когда же познает, что не только он хуже всех мирских, но и перед всеми людьми за всех и за все виноват, за все грехи людские: мировые и единоличные, то тогда лишь цель нашего единения достигнется. Ибо знайте, милые, что каждый единый из нас виновен за всех и за все на земле несомненно, не только по общей, мировой вине, а единолично каждый за всех людей и за всякого человека на сей земле. Сие сознание есть венец пути иноческого, да и всякого на земле человека. *Ибо иноки не иные суть человеки, а лишь только такие, какими и всем на земле людям быть надлежало бы. Тогда лишь и умилилось бы сердце наше в любовь бесконечную, вселенскую, не знающую насыщения. Тогда каждый из вас может весь мир любовью приобрести и слезами своими мировые грехи омыть*¹. Всяк ходи около сердца своего, всяк себе исповедайся неустанно. Греха своего не бойтесь, даже и сознав его, лишь бы покаяние было, но условий с Богом не делайте. Паки говорю не гордитесь. Не гордитесь пред малыми, не гордитесь и пред великим. Не ненавидьте и отвергающих вас, позорящих вас, поносящих вас и на вас клеветующих. Не ненавидьте атеистов, злоучителей, материалистов злых из них, не токмо добрых, ибо и из-за них много добрых, наипаче в наше время. Поминайте их на молитве так: Спаси Господи всех, за кого некому помолиться. Спаси и тех, кто не хочет Тебе молиться. И прибавьте тут же: не по гордости моей молю о сем, Господи, ибо и сам мерзок есмь паче всех и вся.

Народ Божий любите, не отдавайте стада отбивать пришельцам, ибо если заснете в лени и брезгливой гордости вашей, и пуше в корыстолюбии, то придут со всех стран и отобьют у вас стадо ваше. Толкуйте Евангелие народу неустанно... Не лихоимствуйте. Сребра и золота не любите, не держите... Веруйте и знамя держите. Высоко возносите его».

2 июня. На днях была в концерте. Играли прелюдию Мендельсона... Мне показалось, что все волны, южные и северные, слились на собрание. Сначала заговорили северные волны, упрекая южных, а затем южные стали возражать северным. Дело дошло до спора: северные волны говорили о прелестях вечных снегов и льдов, а южные пели о красоте ночи, о солнце и звездах, отражающихся в морской воде; наконец приплыли тихие волны рек в Средиземное море и рассказали им о жизни людей. Волны помирились, услышав о раздорах и жестокостях людей, и, соединясь вместе, запели гимн Богу. Вот что, как показалось, говорила мне игра г. Б.

19 июня. С гувернанткой втроем отправились на бульвар. В саду играла музыка, в павильоне, однако, никто не танцевал. Несколько мамаш, два-три папаши сидели там, детей было не особенно много. Первая пошла танцевать П., за ней вся мелюзга зашевелилась и запрыгала. Следующая за вальсом полька была прелестна: все ребятки захотели попрыгать, явились несколько маленьких мундирчиков, которые говорили тоненькими голосками, – они оживили детей. Вскоре случился казус. Вдруг подходит к Наде учитель танцев и говорит:

– Отчего вы не танцуете? – Надя что-то пробормотала. Он подвел ей своего сына-гимназиста и что-то проговорил. Вдруг я услышала:

– Я вашей мамаше скажу, что я вам представлял своего сына и вы отказались. Ведь вы умеете, отчего же не танцуете?

– Нет, – отвечала Надя чуть слышно, вся пунцовая. Немного спустя подходит сын учителя к Вале. Та тоже отвечает отказом.

– Хороши мои сестрицы, – шепнула я гувернантке, радуясь от души, что меня не видно и кавалер не может ко мне подойти.

– Буки, – шепнула мне Ал. Ник. Детский вечер кончился в 9 часов. Ал. Ник. была какая-то сумрачная.

«Господи, – думала я, – вот, видно, она теперь думает, как от нас отделаться! Ей нужно к брату-студенту, который сидел в саду, она бросила бы нас, она в уме бранит нас». Наконец я не выдержала: мысль, что Ал. Ник. хочет отделаться от нас поскорей, перешла уже в полную уверенность. Я предложила идти домой... Мама очень огорчилась, узнавши, что Надя отказала сыну учителя танцев.

25 июня. Ураа! Едем в понедельник в Нерехту! Наконец-то! Даже не верится, – правда ли это, что мы уже второй год живем в Ярославле? Мы уехали из Нерехты 23 февраля 87 года, на 2-й неделе великого поста, в понедельник, и 16 месяцев уже не видали ее. Господи, вот так счастье! Мама всячески старается охладить нашу радость, рассказывая о холодных приемах родственников, о неудобствах жизни в гостях (тогда как мы едем домой), – но все старания окажутся тщетными: я всегда буду радоваться, если поедем в Нерехту, буду рада всякой новости о ней, буду всегда любить ее. Это маме известно, а между тем она чуть не плачет при мысли о том, что ее милые детки (не я в том числе, конечно) оставляют ее на целую неделю одну. Самая лучшая радость не обойдется у нас без дрызг. Ну, да что! Стоит ли писать пустяки? Одно слово: едем в Нерехту!

14 июля. Сегодня мы познакомились с Сергеем Николаевичем, братом Ал. Ник., и гуляли с ним в роще. Он мне очень нравится: человек очень умный и оригинальный, это я заметила и в Ал. Ник. СН. был в партикулярном платье, чему я была очень рада, так как, хотя мне смешно и стыдно в этом сознаться, – я его боюсь в студенческом мундире. Право, во мне есть дикарь и самый упрямый: чтобы познакомиться с СН., мне нужно было собрать все присутствие духа, к тому же он оказался до того утонченно-вежлив, что я чуть было совсем не потерялась. Он все время говорил с мамой, а я все слушала, слушала. Ал. Ник. даже заметила:

– Как вы внимательно слушаете, Лиза!..

Дело подружки Маргариты уладилось: она была у губернаторши и ей рассказала все свои обстоятельства. Губернаторша обещала похлопотать за нее, чтобы ей позволили держать экзамен в наш класс. Она теперь готовится, просила меня прийти к ней. Я была так рада...

На днях Ал. Ник. объявила, что скоро приведет не только Ку-вых, но и своего «братишку Шурку». Я чуть не задушила Ал. Ник. Скорей бы! Я очень плохо все записала, боюсь, чтобы мама не увидела. Однако пора спать: ведь уже 12 часов!

21 июля. Ух! Как испугалась сегодня: часа в 4 приходит мужик и говорит: утонул в Волге мужик в пьяном виде, бывший дворник; по приметам оказывается Александриным мужем. Саша побежала узнать: на месте ли ее муж или нет, так как за верность известия мужик не ручался. Пришла домой. Слава Богу, муж на месте, жив и невредим оказался...

На танцы пошли сегодня все вместе. Александра Николаевна восхищается мной, постоянно говорит маме:

– Как мило Лиза танцует, как она грациозна, – а та не верит: ведь это просто нелепость, – Лиза, неуклюжая, быстрая, резкая во всех движениях, и вдруг... грация?! Да еще где? в танцах?! Мне самой смешно; ведь, кажется, во мне нет ничего хорошего, красивого, грациозного, уж видно, я такая родилась. Ал. Ник. после танцев меня спросила:

– Ну, Лиза, ведь можно увлечься танцами? как вы теперь думаете?!

Я колебалась с ответом: еще никогда не увлекалась ими, но «нет» не шло с языка.

– Посмотрю я на вас, как на аллегри² будете танцевать.

– Да разве я буду, – сказала я удивленно, – ведь у меня знакомых нет...

– Будут, я вам представлю гимназистов и студентов, – решительно ответила она.

«Вот те-на! – подумала я. – До сих пор я не имела ни малейшего желания познакомиться с кем-нибудь из них, даже со страхом об этом думала, а тут... ну, да аллегри еще не скоро будет».

Приехала бабушка; я так обрадовалась, будто бы сама в Нерехту уехала. Привезла огромную корзину смородины, на варку и для еды.

24 июля. На уроке танцев было очень весело: Ф.Ф. сказал, что сестрам нужно быть немножко поживее, а про меня сказал, что ничего. Еще в прошлый урок он предложил нам съездить с ним в рощу или за Волгу погулять. Ал. Ник. за нас отвечала:

– Очень рады, с большим удовольствием, – а когда мы вышли на улицу, то решительно сказала:

– Не к чему заводить подобное знакомство.

Мы промолчали. Но вот, в субботу, он опять повторил свое предложение.

– Во вторник бы, папа, – тихо сказала Жуня. Александра Николаевна немного замялась, но что-то ответила. Пришли домой и сказали об этом маме.

– Г-м! экое знакомство заводить, – был презрительный ответ. Мне сделалось жаль Ф.Ф.: неужели отказаться от его приглашения только потому, что он учитель танцев? Мне к тому же очень нравится Жуня: славное у ней лицо – строгое, я такие очень люблю у девочек. Почему Ал. Ник. находит знакомство лишним? Все они такие хорошие, любезные, милые, Жуня дельная девочка. Мне стыдно за нас. Была у Маргариты, так как еще накануне получила от нее письмо с просьбой принести словесность. Я просидела у ней 2 часа, просила еще прийти. Какая милая, добрая и простая! Теперь вся ее жизнь как на ладони передо мной очутилась...

31 июля. Бедная Маргарита! Она начинает сомневаться, позволят ли ей учителя держать экзамен? А если нет – то она пропала. Мы с ней думали, думали, как уладить дело. Но куда ни кинь – все клин. Она рассказывала мне свою историю. Она незаконнорожденная дочь дворянки, бывшей классной дамы; та привезла ее шести дней к «крестной» – так Маргарита называет свою приемную мать, обещалась платить деньги; заплатила 4–5 месяцев и исчезла; ни писем, ни денег на воспитание. Так и осталась Маргарита у бедных мещанок. Отдали они ее в Сиротский дом на казенное содержание, думали поддержка потом будет, и вот – выключают! Куда ей идти со свидетельством 4-го класса и 20 рублями в кармане (это ей выдаст казна)? Мы думали... думали... я предложила ей поступить хоть в горничные (как это ни глупо с первого взгляда).

– Ой, что это? А крестная-то? Она ведь меня так любит, так любит; ведь она этого не допустит!

– Вот тебе на! Я думала, что она тебя не любит, ты ведь ей в тягость?! – вскричала я.

– В том-то и дело, что любит, если бы она отказалась от меня, бросила бы на произвол судьбы – лучше бы было, а то ведь жаль, – был ответ.

Я рассердилась: ничем-то я не могу ей помочь, экая я дура! Кстати, ей приснился сон: крестная сказала ей: «18 августа почки распустятся, тогда ты и жить не захочешь». Странное предсказание! Вдруг оно сбудется! Господи, помоги ей... Завтра уже 1 августа! О-хо-хо-хо! Ученье, ученье, ученье! Снова старая песня на новый лад!

4 августа. Захворала мама; был доктор, сказал, что скоро ее нездоровье пройдет. С мамой нет у нас столкновений, а из разговоров только сегодня я поняла, сколько она вынесла. Кажется, маму воспитывали просто, не была она никогда в детстве энергичной, росла тихо; выезжала девицей – все как все делают, делали и будут делать; где бы ей набраться таких знаний, практичности, энергии? А между тем, мама, хотя и была нервна, не крепка здоровьем, столько вытерпела, с такой энергией вела свои дела, защищала свои и наши интересы, что я от удивления не могла слова вымолвить, пока мама мне все рассказывала. Она говорит, что, когда

выходила замуж, надеялась только на себя, а не на папу, потому что у него состояние было вовсе невелико... И странно: бабушка и все наши родные – все знают, что сделала мама для нас, знают, что ей пришлось вытерпеть, и говорят об этом как о самой обыкновенной вещи. Что, если бы это пришлось сделать другим? – тогда толковали бы, хвалили бы, превозносили бы чуть не до небес. А наша мама сделала все, преждевременно потеряла здоровье, расстроила нервы, – и родные посмотрели на это так, как будто бы это и должно быть.

– Свои не оценили, так чужие оценят, и поймут, что мне это стоило, – сказала мама, и слезы показались на глазах ее.

– Полно, мама, плакать, – ответила я, по своему обыкновению несколько насмешливо; но если бы знала мама, что в эту минуту происходило во мне! Мне вдруг захотелось упасть к ногам ее и безумно молиться на нее целую вечность за то, что она сделала для нас, простить ей все, все, глядеть на нее и никому, никому не отдавать... чтобы она была вся моя, вся! Кажется, была бы моя воля, я взяла бы с собой одну маму, куда бы никуда унесла ее, и молилась бы, молилась бы на нее и за нее без конца!..

22 августа. Пришла из гимназии точно бешеная. Действительно, как не разозлиться: от 9–10 урок, от 10–2 нет уроков, а от 2–3 и 3–4 опять уроки. Есть ли что-нибудь хуже, глупее, неблагоприятнее такого расписания? Ученица приходит в 9 часов, сидит в гимназии до 4 (7 часов!), и что же? Оказывается, что из 7 часов один полагается на обед живущим (приходящие в это время завтракают), другой на отдых после обеда. Остается 5 часов, из них 2 ничем не заняты. Отчего? – вот вопрос, на который начальство не дает прямого ответа. Приходящие должны сидеть и ничего не делать (если дела нет), у живущих же дело всегда найдется. Просто бесчеловечно со стороны начальства так обращаться с приходящими. Пусть начинают уроки в 9 часов до 12-ти, затем 1½-часовой перерыв для обеда и отдыха, затем еще урок до 3½, и довольно. Вот какое расписание нужно бы применить к делу. Тогда сидеть в гимназии меньше, и уроков больше, и раньше отпустят домой.

На днях в гимназии был акт, Валя получила 2-ю награду. Мама торжествовала. Давно ведь ее никто-никто не радовал успехами: вот уже 2 года. Мне хотелось бы перейти с наградой для того только, чтобы мама порадовалась. Да ведь не перейти! Где нам, грешным, за наградой тянуться! А хотелось бы получить!

1 сентября. Ученье, ученье, до бесконечности: с 9 до 8 учишь, учишь, учишь и учишь! Вот препровождение времени. Нечего сказать, хорошо! Даже некогда дневник вести... Александра Николаевна сумрачная такая; поневоле досадно будет: учит, учит сестер, набивает им старательно голову и пропорциями, и склонениями славянскими, а на другой день – 2 из русского за то, что Надя не знала того самого склонения, которое ей отлично накануне ответила. Ведь вот странно: дома знаешь урок, как «Отче наш», в гимназии спросят – точно язык отнялся, все перепутается в голове – и подсказанное, и объясненное, и изученное – и пропадай, как звали! Эх, несчастное это ученье, право, несчастное.

Вот сейчас в газете читала о переутомлении учащихся. Это хорошо писать, что слишком много учиться вредно, – а на деле-то ничего ведь не изменено. Пишут: экзамены вредны для здоровья, бесполезны в отношении к знаниям, учиться нужно меньше, дома готовить уроков меньше, – одним словом, пишут много, так много, что, напечатай все заметки об учении на отдельных листах, можно бы двадцать завтраков завернуть. А толку из этого мало. Вот кабы кто напечатал заметку о баллах – это дело. Что баллы? Знаешь – значок 5, не знаешь – значок 2 или 1. Вот чем меряются наши знания; подумаешь, – до чего глупо все это. А ведь двойка большое значение имеет: за нее оставляют на час, приятно ли сидеть, не евши до 5 часов? Я, грешный человек, сама это испытала: оставили, и Боже мой, до чего есть хотелось! Из-за одного этого будешь без двоек стараться учиться.

6 сентября. Что за сонное царство! Будни – гимназия, потом обед, чай, уроки и ужин. Праздник – ровно никто ничего не делает. И хоть бы сестры чем-нибудь дельным занялись, – все глупости; они хоть вместе, а я все одна.

9 сентября. Ученье в начале; учителя не пропустили еще ни одного урока; двоек еще мало, баллы получают покуда порядочные; классные дамы еще не обозлились на всех и на вся, как это бывает в конце года и в середине. Теперь – самое приятное время. Покуда еще немного выучено, ничто не успело смешаться, перепутаться в голове, пройденного не успели забыть. Теперь очень легко получать пятерки, но учителя такие странные: когда знаешь – ничего не спросят; как что забудешь, глядь-ка – на тебя уж смотрит и урок спрашивает. Собственно говоря, теперь это не настоящее ученье, не та, как говорится, «спешная работа», которая подойдет в конце года. Тогда учителя спешат скорей повторить курсы для экзаменов, усиленно вбивают в голову ученице хронологию, теоремы, словесность, диктовки, аксиомы, задачи, вычисления, переводы, правила, стихи, историю, физику, стилистику, драму, русскую и французскую поэзию, периоды, метафоры, метонимии – одним словом – решительно все, что могут вместить человеческие головы девочек, еще не развитых как следует; покуда учителя все это вбивают в голову крепкими молотками в виде двоек и единиц, ученицы сидят, разиня рот и чуть не задыхаясь от усилий вместить в свою небольшую голову всю эту кашу, весь этот научный экстракт, набранный из всевозможных учебников и сваренный нашими учителями в их кабинетах. Немудрено, что многие проваливаются. Однако что же это я расписалась так об ученье, ведь 12-й час. Спать пора.

20 сентября. Какое счастье! Веньку выбрали в присяжные, он сегодня не был. Хорошее учреждение это, брать присяжных. Отчего это только мужчин берут? Вот кабы Наташку, да Шкалика нашего куда-нибудь, хоть в присяжные поверенные спровадить. Никто не возьмет? Я сегодня написала сочинение, и теперь ничего в голову не идет...

30 сентября. Вот весь месяц – и я писала дневник только 5 раз. Все некогда; покуда не пишешь дневника – столько мыслей в голову придет, а как сядешь писать – ровно ничего нет. Вчера я совершенно успокоилась насчет рисования. Дело в том, что учитель не выбрал меня рисовать, тогда как некоторые, рисующие хуже меня, выбраны. Я была этим очень обижена, но все молчала; наконец, вчера смотрю, С-кая рисует! Это было свыше моих сил; такая несправедливость! Я едва удержалась назвать его в глаза... и ушла в учительскую в самом возмущенном состоянии духа. Вдруг отворяется дверь из прихожей, меня позвали рисовать. Теперь, по крайней мере, не стыдно перед другими, да и сердце спокойнее.

11 октября.

Что за жизнь! Ей-ей нет ладу,
Нет в избе покою;
Споры, брань, одну досаду
Терпим мы с женою.

Эти давнишние стихи можно с небольшими изменениями вполне применить к нам, т. е. по крайней мере ко мне. И правда: в доме нет ладу, ссоры, брань, нотации... просто с ума сойти можно! И все это на меня, несчастную, сыплется беспрестанно, так что я даже не успеваю и вопроса себе задать: за что? почему? Всегда-то я во всем виновата, решительно во всем! Не понимаю, наконец, как это все выходит, что одна я причина всех зол и бедствий нашего дома.

Нет ничего фальшивее, хуже моего теперешнего положения как в гимназии, так и дома. Но там по крайней мере хоть все знакомые лица, здесь же... право, точно между посторонними нахожусь. Я, правда, бываю иногда очень виновата пред мамой, бранюсь, когда очень рассержусь, детей наказывают тоже, когда шалят, но неужели это такие ужасные вещи, что меня, не переставая, пилят за все это? Единственная моя отрада (если можно так выразиться) – книги; я читаю и забываю хоть часа на два всю ту цепь споров, ссор, выговоров, наказаний и т. д., которая опутала наш дом и никому из нее не позволяет выйти.

В дневник я «изливать свои чувства и мысли» не слишком-то себе позволяю: мама может увидеть, и к чему беспрестанно писать одно и то же? Только сегодня не удержусь, напишу все (но я не жалею, Боже меня сохрани от этого!), ведь не стерпишь наконец. Сегодня Ал. Ник. вдруг у меня взяла книги на неделю! читать – и то нельзя! Целую неделю без книг! Как вспомнишь (стыдно даже писать!), так и хочется разреваться как пятилетнему ребенку, вырвать у нее книги и убежать скорей куда-нибудь.

Господи, Боже мой, милый! Хоть бы Ты прибрал меня поскорее! Ну, что за жизнь эта, опротивела она мне до того, что я не знаю, куда деться! Бог законом своим запретил убивать себя; кабы не грех – сейчас бы в воду или под рельсы (так у автора. – *Прим. ред.*) Никого, ничего мне не жаль, хоть бы умереть поскорее! Тогда в доме тише станет, нотаций мама не будет читать и нервы себе расстраивать, сестры не будут браниться, в доме было бы не житье, а рай. По мне отслужили бы панихиды, мне было бы очень весело³, я увидела бы папу, Бога бы увидела, Ангелов. Святых... Папу целовала бы так, как при последних днях его жизни, были бы мы вместе. Вообще, если бы я умерла – хорошо бы было! Говорят, что те, кто боится смерти – умирают, а те, кто не боится – живут долго; я вот не боюсь смерти (по-моему, очень глупо бояться того, что рано или поздно совершилось бы), да и умереть хочу, а смерть не приходит. Господи, Господи! умереть поскорее!

31 октября. По вечерам ежедневно читаю. После романа «Кудесник» кончаю «Рославлева». Вот странно: когда я собираюсь писать дневник, думаю, что напишу очень много; на самом деле, как только сяду писать, так все из головы и улечит. Отчасти это и хорошо: если бы я действительно все, что думаю, записала, то давно бы и тетрадка вышла, и многословие было бы ужасно.

Еще раз повторю стихи: «Что за жизнь! ей-ей нет ладу, нет в дому покоя; ссоры, брань...» Прекрасные стихи! В них как в зеркале отражается наша домашняя жизнь; а причиной всего этого опять-таки я, пренесносное создание, глупое, бессердечное, бессовестное! Такие создания не люди, а звери, и меня действительно дома теперь зовут зверем, сумасшедшей etc., etc. Все это ясно, как доказанная теорема, и из такого предложения, конечно, следует такой вывод: «На что же живет такой зверь, не только не нужный никому, а положительно вредный! Чтобы он никому не мешал, нужно его убить; а так как мы народ все же цивилизованный, то на подобное деяние никто не решится, и этому несчастному зверю приходится сидеть и ждать смерти, когда она придет». – Это математически верно, вывод положительно можно счесть шедевром удачнейших ответов. Да не думает тот, если кому попадет в руки сия страничка, что я пишу все это так, от нечего делать; нет, я пишу все хладнокровно, обдуманно, внутри меня ни одна черточка не пошевельнулась во время писания, я ведь отчасти и не человек. В прошлый раз я в лирику ударились, а теперь пробую все это хладнокровно себе доказать, все рассчитала, так что все понятно становится. Ну, как теперь мне себя не похвалить, как не сказать «умница, Лиза»?! Ведь я хоть и плохо математику знаю, однако в случае нужды лучше всякого учителя применить ее к делу сумею.

4 ноября. Читаю теперь Писарева. Говорят, будто его сочинения запрещены; я не знаю, но струсила-таки порядком, когда пришлось проходить с книгой мимо классной дамы. Все, что я

читаю в нем (5-ю часть), мне очень, очень нравится, хотя я и не везде с ним согласна. Причина, что его книга мне нравится, – весьма простая: Писарев пишет об образовании в университетах, гимназиях и т. п. Хотя издана эта книга в 66-м году, следовательно, всего 22 года тому назад, но в ней почти все о гимназиях можно применить к нашим. Для образца приведу такой отрывок, характеризующий преподавание у нас в гимназии русской литературы: «За теорией словесности следует история русской литературы. Эта история, как и все другие, представляет список имен, которые навсегда останутся для ученика лишними, ровно ничего собой не означающими. Жил-был Нестор, написал летопись; жил-был Кирилл Туровский, написал проповедей много; жил-был Даниил Заточник, написал «Слово Даниила Заточника»; жил-был Серапион, жил-был, жил-был, и все они жили-были, и все что-нибудь написали, и всех их очень много, и до всех их нет никому дела, кроме гимназистов и исследователей старины. Когда дойдет дело до Ломоносова и Державина, тогда становится еще тошнее: приходится запоминать названия од и отрывки из них, до которых также дотыкаются только гимназисты и исследователи. А уж когда доберутся до Пушкина, тогда надо спешить, потому что учебный год приходит к концу, да и кроме того гимназистам не полагается знакомиться с новейшей литературой подробнее, чем со словами Даниила Заточника и с державинскою «Фелициею». – Вот эти строки; я сама сейчас их списала с книги, которая у меня в руках. В самом деле, хотя эти строки писаны 22 года тому назад и, следовательно, применялись только к тогдашним гимназиям, их во всей неприкосновенности можно применить к нашей теперешней гимназии. Так, например: в среду нам очень хорошо объяснил учитель Г-ев урок о том, каким образом появилась в России письменность, и задал 22 и 23 §§ из Истории русской литературы Галахова. Там все так хорошо написано, так понятно, кажется взял бы, и выучил на 5+, и делу конец; ан нет, литература-то оказалась не такой податливой: попало ученицам 6-го класса слово «символизм» – не понимаем.

– Лиза, объясни, пожалуйста.

Я подумала и говорю:

– Образность.

– Что называется образностью?

В прошлом году я получила 5 за ответы, что называется образностью, метафорой и т. д., – а нынче только руками развела: пока мы учили это слово теоретически – знали, пришлось применить наши знания на практике, уже все забыть успели. Вот те на!

– Чему же вы учились? что вы делали в 5-м классе? – спросят нас большие, ученые люди, маменька, папенька, гувернантки и т. д.

– Да, мы учили, – без запинки ответим мы, – теорию словесности, это полагалось курсом 5-го класса, а так как в 6-м учат историю словесности, то... теорию-то словесности мы уже забыли...

А Г-ев из сил выбивается, старается хоть немного развить наши ослиные (в полном смысле слова) головы, советует читать, читать как можно больше. Ладно, говорим мы; будем читать. И действительно, берем и читаем Шекспира, Толстого, Пушкина, Диккенса, Тур⁴, Тургенева (я привела здесь те книги, которые действительно читают воспитанницы нашего класса); кажется, все имена известные, громкие; сочинения прекрасные... но ни сочинения, ни развитие нашего ума от этого не улучшается. Сам Г-ев нам это сказывал: «Читайте вот таких-то, таких-то и таких-то писателей; но наверное вы не поймете как следует сочинений «Ледяной дом», «Записки охотника», Шекспира: чтобы это понимать, нужно головы поразвитее ваших!» Сказал и ушел. Мы, понятно, оскорбились таким мнением о нас, закричали, зашумели, классные дамы в поведении сбавили, позлились; и тем дело кончилось. А между тем, действительно, понимают ли некоторые из нас, что читают – Бог весть.

Спать пора; я устала писать.

10 ноября. Это решительно невозможно! позволять себе такую дерзость пред всем классом! Учитель говорит одной из хороших, даже более – из лучших своих учениц:

– Самостоятельно ли написано сочинение? – и при всем классе! – Я увижу, как то вы напишете во вторник классное сочинение. Понимайте как следует: вы меня обманываете, сочинения пишете не сами, а вот во вторник я увижу, насколько вы способны мыслить.

Когда он спросил меня, я сначала готова была закричать на весь класс: это дерзко, низко с вашей стороны так ко мне относиться! Но ведь этого сказать нельзя; пришлось ответить: Господи, унижение какое! Есть ли после этого правда? Я пишу сочинение, думаю, хотя очень мало, но все же думаю, моя работа оказывается одной из самых лучших, – и так оскорбить, насмеяться над ученицей при всем классе... И это он говорит мне уже в третий раз!.. Мало того, что придется писать классное сочинение как будто на экзамене, – нужно еще оправдывать себя перед ним: вот, мол, я все сама делаю! Никогда, никогда я не была еще унижена так, до последней степени, насколько может быть унижен человек! Он отрицает у меня способность мыслить самой, и еще с насмешкой говорит: вот во вторник увижу! И ничего, ничего нельзя сказать в свою защиту, нельзя даже сказать ему, что такое подозрение в высшей степени низко и подло, что он может говорить это ученицам плохим, а не хорошим; одним словом – нужно подвергать себя насмешкам и замечаниям учителя, сколько ему угодно. И все это благодаря нашей нелепой системе школьного учения: полнейшее унижение, уничтожение личности и предание ее в руки машин в виде классных дам, и образование – в руки хитрых педантов.

О, Господи, Господи, какое мученье!

12 ноября. Ал. Ник. – лучший человек в мире – выходит замуж. И какая я дура: ведь когда мы были на именинах, то жених сидел почти напротив меня, но – видно, у меня такая способность – я не вижу никогда никого из мужчин, если бываю где-нибудь у знакомых; так я его и не видала. Надя говорит, что он очень красив. Когда я спросила Ал. Ник., каков у нее жених, она как-то странно ответила: «О, он молодой, очень красивый, сходится со мною во всем». Значит, и он тоже – замечательно хороший человек. Похожи они друг на друга очень, как брат с сестрой. Я ото всей души желаю счастья Ал. Ник. в ее будущей новой жизни; такого счастья, которое бы редким людям давалось; такого благополучия, какого на долю никакого человека не выпадало; такого согласия и мира, которое не у всех бывает. Кроме всего этого, Ал. Ник. сообщила нам новость, почти такую же радостную: она останется и будет у нас репетировать! О Боже мой, этого счастья, этого благополучия мне и во сне не снилось!.. Милая, милая моя Александра Николаевна! Сегодня вечером мы даже не читали, а сидели работали и разговаривали: точно прощались с нашей Ал. Ник.; она ведь после обручения будет почти что жена, а это так странно кажется.

13 ноября. Видала я сегодня Ал. Ник. Я шла в гимназию; смотрю – парочка, веселая, молодая, счастливая. Это она, подумала я. Но ведь может быть и не она, может быть и другая барышня идет под руку со студентом.

– Это так неловко, – вдруг долетело до меня со знакомым произношением буквы л; сомнения нет – она! Я шла по другому тротуару; шла, не смея взглянуть на эту счастливую парочку, стараясь идти так, чтобы они меня не заметили, и была так счастлива, так счастлива! До самой гимназии они шли за мной, и я слышала их веселый смех и разговор. Так вот она, любовь-то, счастье-то! Я никогда еще не видала любви, такой, как в романе, и теперь вижу. Все это так ново, так странно для меня. Читаем в романе; так просто, естественно кажется, а на деле не то. Когда я читала про любовь, я не понимала: как это любят, признаются в любви, делают предложения; но мне все казалось естественным: ведь роман. А как на самом деле увидела, то начала понимать, как все делается, хотя еще и не совсем. Когда Ал. Ник. сказала нам, что на душе у нее радостно и хорошо, что многое казалось приятным и веселым, то я подумала:

а хорошая, должно быть, штука эта любовь. Ведь тогда все кажется хорошим, а это, должно быть, очень весело. Представлю себя на ее месте, только без жениха, конечно, и не невестой, а так просто: ну, и я люблю, не знаю кого, ну положим, горничную Сашу, или какую-нибудь из воспитанниц... и тогда мне все начинает казаться в розовом свете! Уж не полюбит ли мне в самом деле кого-нибудь из наших? Воспитанницы есть очень хорошенькие, поют хорошо, стройненькие, ведь полюбить можно. И вдруг тогда я буду счастлива... только способности-то и умения у меня на это нет, а то бы я постаралась.

25 ноября. Что со мной делается? Вчера вечером прочла я роман «Старый дом» и все думала о Борисе. Мне было ужасно досадно, отчего я не родилась в начале нынешнего столетия и не в высшем обществе; тогда я, наверное, увидела бы и познакомилась с ним непременно. А тут – ходи себе в гимназию, учишься, а Борис хоть и не учился, а знал гораздо больше меня. Мне ему было завидно, я представляла себе его дом, обстановку, книги, его брата, как его везли в крепость, что он там делал, и вдруг – спросили из истории. Я ждала этого, и выучила урок, но отвратительный, рыжебородый Венька спросил – о ужас! – Северо-Американскую войну, а учим мы Семилетнюю. Конечно, я сказала слова три и замолчала, а на уме, в мыслях все был Борис; представляю себе, как его допрашивает Великий Князь, а тут Венька говорит: «Что же вы дальше-то ничего не помните?» Ну, думаю, мучение! Но за историей был французский. Я знала, что меня, наверное, спросят – была литература – и была спокойна, все думая о нем. Но случилось то, чего я уж никак не ожидала от самой себя. Нам задано было рассказать содержание трагедии Корнеля «Сид». Я по-русски знала и не сомневалась, что отвечу по-французски. Не тут-то было: не успела сказать и половины – запнулась, по-русски знаю, по-французски выразить не умею. Покуда я размышляла, Наташка разоралась, поставила мне пару, велела писать урок. До такого срама я еще никогда не доходила; мало того, велела мне прийти в четвертый класс ответить урок, вместе с П-вской (и та тоже). Ну, и ответили: как бомбы вылетели из класса и промчались по залу. Стыд-то какой! Но – *il faut faire bonne mine au mauvais jeu*⁵ – и я следую этому мудрому изречению.

2 декабря. Александра Николаевна отказала своему жениху! Отказать человеку, уже обрученному с ней, уже имевшему на нее право, – это я не знаю, что такое!.. Чувствую, что не могу уже смотреть на нее, как прежде, мне кажется, что впереди ее стоит отверженный ею жених. Я никому ничего никогда, конечно, не скажу, но... нехорошо все-таки поступила Ал. Ник. Человек должен быть прежде всего человекен, а она поступила с женихом безжалостно. Она теперь такая веселая, ласковая, все смеется, даже лицо ее как будто похорошело; но взглянуть прямо на нее – я не могу, не могу. А еще три недели тому назад я видела их вдвоем такими счастливыми...

14 декабря. Давно я не писала, не то лень, не то некогда было. Я ужасно люблю бывать у бабушки: там так тихо, тихо, хорошо. У нас в доме, если тихо, то сонно все так-то, а у бабушки и тишина имеет свою прелесть. Бабушка вчера мне свою жизнь рассказывала, о маме, о дяде Коле. Теперь передо мной открыта вся жизнь семьи нашей. И, Господи, сколько несчастья рассказывала мне бабушка, и все это так хорошо, естественно, что, право, заслушаешься... Кажется, будто две семьи – обе известные и уважаемые – сошлись для того, чтобы вместе соединить свое горе и страдание и удвоить его на маме. Обе бабушки испытали в своей жизни много горя, снося его твердо; и мама всегда справлялась с собою: всего два раза в жизни я видела в ней что-то похожее на отчаяние и слезы, но потом она становилась вновь молчаливой, терпящей...

19 декабря. Сегодня француженка побранила меня и назвала умницей, «способной девиц» за то, что я ей перевела m-me Staël. Удивительная женщина была m-me Staël, ведь недаром назвали ее гениальной. В наше время таких нет. Какая она была умная! Семнадцати лет, когда наши девушки начинают только о выездах думать, она уже издавала «Письма о Ж.-Ж.Руссо». Хорошо сочинять; мне иногда самой хочется что-нибудь написать, да все лень, все кажется, что не умею.

Скоро отпуск! Не будешь ходить в 4 часа домой по темным улицам, в грязь и ветер, в слякоть и мороз. – Домой, домой, радостно повторяют воспитанницы, бегая из класса в дортуар, из дортуара в класс. «Домой, домой!» раздается везде, по всем углам комнат нашего огромного учебного заведения. Вот, вся сияя улыбкой, растрепанная, с передником на боку, бежит воспитанница. В руках у ней целая грудка книг и тетрадок, ей неловко бежать, но она летит стрелой, толкает подруг, вдруг наткнулась на кровать, и вся ноша рассыпалась. «Что это вы, – замечает недовольная классная дама, – бежите как полоумная какая! Смотрите, где ваши книги? Как вам не стыдно». Но у воспитанницы ни малейшего следа стыда, напротив: лицо ее делается еще больше радостным, и она на выговор отвечает: «Как же, ведь домой, Вера Александровна».

Вон там, у средней кровати, какая-то воспитанница. Около нее собралась целая группа: кто надевает ей платок, кто застегивает пуговицу, кто связывает узел. Все уже собрано, она одета, укутана платком, начинается прощание.

– Прощай, Маня, милая, напиши, коли будет время на Рождестве.

– Прощай, Манька, прощай, душка милая, – раздается вокруг. И все, хотя были бы самыми заклятыми врагами уезжающей, считают своею обязанностью проститься.

– Ведь ты с ней в ссоре, чего же целоваться-то лезешь? – замечают воспитанницы.

– Я и забыла, Бог с ней; ведь за мной сегодня, милочка, в пять часов придут, на железную дорогу – и домой! Понимаешь ли?

– Еще бы не понять, – отвечают воспитаннице другие, в подтверждение своих слов крепко целуя ее.

– Домой, домой, домой, – раздается во всех углах и закоулках, читается на лице всякой воспитанницы...

– Да, – размышляет классная дама, стоя у окна дортуара для наблюдения над сборами воспитанниц, – домой, это, конечно, приятно отсюда уехать недели на две; а что меня ожидает там, в родном уездном городке?

И в ее воображении мелькает неопрятная, грязная квартирка, в которой живет слепая старуха-мать, темные, холодные комнаты. Приедешь – счет от хозяйки квартиры за дрова, свечи, провизию, все это нужно оплатить, нужно к празднику что-нибудь купить, а жалованье невелико: всего 15 руб. в месяц.

– Вот станет ли денег-то на уплату, – тяжело вздыхая, размышляет она, – я ведь себе нынче шубу, калоши купила, – немного осталось. И тут еще, наверное, от бедной племянницы письмо придет: Христом Богом попросит к празднику хоть три рубля прислать. Как тут откажешь? А пошлешь – нельзя будет ничего лишнего к празднику купить... Что дома-то хорошего? Брань с квартирной хозяйкой за плохую топку печей, ворчанье матери, что долго не писала, что денег мало привезла... А они чего суетятся, – думает она, – посматривая на воспитанниц, и как бы в ответ на ее мысль слышится прощальный возглас одной из них... – Им все весело! – злобно улыбается она, – все молодые, счастливые; а мне – никогда не быть уж такой, – говорит что-то внутри нее. И вдруг у ней является желание огорчить этих веселых, смеющихся девочек, наказать их чем-нибудь, отравить им счастливые минуты.

– Чего вы расшумелись, сию же минуту, все из дортуара! – прикрикивает она на них. В ответ раздаются жалобные голоса, еще более раздражающие классную даму.

«За что ты наказала сейчас этих девочек?» – спрашивает ее какой-то внутренний голос. И она нервно стискивает руки, стараясь не слышать этого веселого смеха и шума. А кругом –

так кипит и шумит молодая, веселая, беззаботная жизнь; всем весело, всем, лишь у ней одной на сердце тоска страшная, безысходная. – Домой, домой!

23 декабря. Приснился мне папа вчера. Странное чувство испытываю я тогда, когда вижу его во сне: мне так хорошо, весело делается, только как будто жаль кого-то. Говорят, что это он напоминает мне, чтобы я за него молилась. Это правда. Когда я плохо или долго не молюсь за папу, он мне всегда приснится, такой ласковый, добрый, так что жаль сна бывает.

О Господи, Господи! Помилуй меня грешную, прости все грехи мои. Ведь Ты прощаешь грехи всем людям, – прости же, Господи, зверю скверному, гадкому, хоть одну сотую долю его грехов и прегрешений. Хотелось бы мне умереть, если не сейчас, не теперь, то 15 августа будущего года, мне тогда будет ровно 15 лет; хотелось бы мне умереть ровно в 6 часов утра, т. е. в тот час, когда я родилась; хотелось бы, чтобы меня похоронили в ельнике, там, где мы часто гулять ходили, посадили бы елочку на могиле, но креста не надо ставить, можно из елки простенький вырубить; а если в ельнике нельзя, то пусть бы похоронили меня в дальнем углу нашего кладбища, там, где солнце почаше и подольше бывает. Гораздо лучше умереть, чем жить! Когда нынче летом я была на папиной могиле, то солнце так ярко светило, так хорошо было, что сейчас бы умерла, лишь бы надо мной солнце так же светило, и тихо так было бы на кладбище... Подписалась сама на журнал «Север». Он будет высылаться на мое имя, короче сказать, у меня будет собственный журнал. Рука так и дрожала, когда я писала адрес: Вс. С. Соловьеву⁶; мне казалось, что с моей стороны величайшая дерзость писать человеку, мало того – незнакомому, а еще – известности, литератору.

P.S. Вероятно, долго не буду писать, м.б., времени не будет, м.б., лень, так что заранее об этом сама себя предупреждаю.

26 декабря. Сегодня Ал. Ник. говорила, что пора мне заняться ученьем как следует, и не ученьем только, а вообще всем. Сказала (совестно писать даже, точно сама себя хвалю), что во мне есть все данные, для того чтобы быть (не знаю каким) человеком, что я существо самобытное, оригинальное, непохожее на других, и наконец сказала:

– Я как-то говорила с одним молодым человеком о вас, и мы решили, что вы не жалкая посредственность.

Как мне совестно все это писать, но ведь я пишу сама для себя, а следовательно, и прибавлять что-нибудь от себя к описанию разговора была бы ложь перед самой собой. Ал. Ник. решительно угадывает мои мысли: она советовала мне вести дневник, и так, чтобы можно было впоследствии его издать. Ну, уж это слишком! 1) я и в дневнике-то почти никогда и не высказываюсь, 2) моя жизнь не для всякого интересна.

– К чему вы себя готовите? – спросила меня А.Н. Ну, что я могу ответить на это? Я, право, еще ничего не предполагаю сделать, но чувствую, что домашняя жизнь меня затянет так, что в одно прекрасное утро я что-нибудь сотворю... Теперь хотелось бы мне и написать что-нибудь; ведь я знала: стоит хоть немного написать, еще захочется; написала я «Домой», ну и еще что-нибудь напишу. «Дура! Что за самонадеянность!» – твердит мне рассудок. «А если хочется?» – возражает сердце. Чтобы я была человеком самобытным, не похожим на других людей, чтобы из меня что-нибудь вышло – этого я, воля ваша, никак не могла даже и вообразить. Правда, когда вырасту большая, я буду вести совершенно иную жизнь, не похожую на жизнь других людей; мне, например, очень хочется уехать в Америку, сдать там экзамен на капитана, получить в команду какое-нибудь судно и отправиться путешествовать, ну, а человеком самобытным – совсем не воображаю. И все-таки, после этого разговора, предо мной точно что-то светлое, радостное, хорошее открылось; а слова – «надо послужить на пользу общества», – которые мне сказала Ал. Ник., я никогда, никогда не забуду. Ведь я читала, что

римлянка 14 лет надевала тогу и делалась полноправной гражданкой; а у нас когда это право получается? – в 21 год, или когда замуж выйдешь. Странно!..

1889 год

1 января. С Новым годом! с новым счастьем! Странно говорить «с новым счастьем», как будто каждый новый год приносит его с собой; тогда как с каждым годом все чаще и чаще случаются «новые» несчастья...

Встретили мы новый год так, как, вероятно, ни одна семья в городе... Вечером я пришла в спальню мамы и сказала, что уже половина 12.

– Хорошо, зови детей в залу, – проговорила она, лениво приподымаясь с кушетки...

– В залу пожалуйста! – растворила я дверь детской. Там стоял шум, смех и крик, было, очевидно, весело; но при моих словах как-то все притихли, бросили играть в карты и, оправляясь и как-то зажмуриваясь на ходу, потянулись в залу. Там действующие лица находились вот в каком положении: мама сидела прямо на диване, облокотясь рукой на подушку: на лице ее, как и всегда, мне почти ничего не удалось заметить, кроме усталости и желания спать; Надя сидела у стены на кресле, закрыв платком половину лица; Валя помещалась наискось от нее на стуле; лицо у ней было опущено вниз, губы как-то насмешливо презрительно передергивались; Володя помещался подле мамы на диване, перебирал руками пуговицы; Шурка сидел около дивана на стуле; «посадила меня мама и сижу, а то меня накажут», – говорила его поза и лицо. Я была напротив дивана. Мы все сидели и молчали, лица у всех мало-помалу начали принимать выражение какой-то заспанности, отупелости. Мама почти уже спала, но взглядывала поминутно на часы и тихо ворчала за что-то на Валю; наконец она посмотрела в последний раз на часы, было без 11 минут 12.

– Вставайте, – сказала она; мы все машинально встали. Мама перекрестилась, и мы все начали молиться; не успела я сделать и трех крестов, как раздалась команда:

– Подождем, еще рано. – Все опять сели; время шло быстро, осталось полминуты, и снова все встали, начали молиться; молились долго. Встала с колен мама, подошла к столу, взяла рюмку, мы все тоже.

– Давайте чокаться, – сказала мама... На меня нашло какое-то отупение. Когда я чокалась с мамой, мне захотелось обнять ее, поцеловать и поздравить искренно; но, взглянув на холодные, тупые, ничего не выражавшие лица сестер, я отказалась от моего намерения: поцеловать маму при них мне показалось невозможным. Стали расходиться. В детской я увидела сестер, вошедших туда с оживившимися лицами, – они уже исполнили тяжкую обязанность...

Эту встречу Нового года я навсегда запомню: в ней ясно отразились отношения мамы к нам и наши к маме, в особенности последнее. Всякий раз, когда мы собираемся вместе, – молчим, не понимая, для какой цели пришли. С детства и до отрочества мы были отделены от матери целым рядом нянек и гувернанток; мы не знали матери, она не знала нас. Мы не привыкли передавать маме с малых лет свои впечатления, думы и чувства; мама нас об этом и не спрашивала; позднее же сойтись было труднее. Я очень люблю маму, но никогда между нами не было разговора, как говорится, «по душе»...

12 января. Сегодня два года, как умер папа. Упокой, Боже, его душу, и возьми меня поскорее. Жить здесь, на земле, мне незачем, только ссоры да раздоры поселяю в семье, а там, Господи, я хоть папу-то милого моего увижу. Боже Великий и Сильный, Боже Правый и Многомилостивый! Прости мне грехи мои, хоть не все, всех их простить нельзя, их очень много! Великая я грешница, недостойна я, видно, милости Божией: все живу и не умираю, но смилуйся, Господи, надо мною, возьми меня к себе поскорее!.. Вот в Евангелии и священных книгах читаю, что надо думать о спасении души; а я-то! Недавно читала в какой-то священной книге об адских муках: просто волос дыбом встанет. Царствию Божию не будет конца, и адским мукам тоже конца не будет! Я, наверно, попаду в ад за великие грехи свои и буду вечно там

мучиться! Вечно! Господи, Боже! Прости ты меня за то, что я хотела не грешить, да ничего не исполняю! Ведь если меня рассердят серьезно, так я готова иногда не знаю что сделать и с этим человеком, и с собой! А это грех страшный, великий! Надо стараться не грешить, Господи, помоги мне в этом!

Вспоминаю смерть папы; все случившееся в этот день я помню очень ясно, и все-таки мне кажется, что как будто все это я видела во сне... – «Лиза, поди, посмотри папу-то», – шепотом зовет меня бабушка поздно вечером... Я вошла в комнату и увидела... Нельзя больше продолжать: надо Евангелие прочесть, – теперь тот час, когда умирал папа.

21 января. Боже мой! В пятницу из алгебры 3, сегодня – из физики 3. И это из тех-то предметов, по которым я в нынешнюю четверть по 5 получить хотела! Слов нет на языке человеческом, чтобы выразить мое мучение. Хуже этого я не знаю, что может быть! Что теперь делать? Все мои планы разрушены до основания: хотела все остальное полугодие заниматься на круглое пять, всегда все уроки приготавливала, и вот! Поправиться мне в эту четверть уже невозможно; и в следующую – тоже, потому что знаю, что мне с собой не совладать. Спросят тогда из физики же; посмотрю я на учителя, припомню вторую четверть, и... прости-прощай, твердо выученный урок: страшная злоба так и подымется во мне, я вся задрожу, забуду все и вся... пусть он говорит за меня, а я буду молчать... И из математики спросят: начну как следует, а потом – чем дальше в лес, тем больше дров, и дойду я наконец до того, что запутаюсь в ответе и не выпутаться! Вот тебе и надежды на этот год. Радуйся, Лиза, и веселись! Не для себя я хотела учиться на награду – мне кажется это смешным – а для мамы, чтобы ее утешить; теперь ни на какую награду совсем не имею надежды. Одно только меня смущает: ведь если я, вопреки своему желанию, перейду без награды, то обязана для мамы кончить с золотой медалью, – а как я буду учиться? Вдруг и тут у меня будет провал? Что тогда делать?

К Ал. Ник. сегодня пристал какой-то человек с требованием денег, грозя, в противном случае, убить, и показал ей нож. Она, конечно, страшно испугалась, проходивший мимо господин защитил ее от этого человека. Что, если бы он мне встретился! Пусть бы он убил меня, мне все равно, я только отдала бы ему свои серьги, больше у меня ничего нет. А хорошо, если бы я его встретила! Убил бы меня, и дело с концом! И за тройку из физики мама не стала бы сердиться. Боже, отчего не посылаешь Ты смерть тому, кто ее просит? Мне смерть – предмет первой необходимости: меня не станут бранить, не заставят французских правил из Игнатовича учить, не будут из физики и математики спрашивать и тройки ставить; не будет Шкалик выговаривать, не буду я больше бояться – «вот спросят»...

10 февраля. Читаю «Исторический Вестник» и даже жалею, что взяла его: зависть берет к иным людям. Вот, например, «Воспоминания г-жи Головачевой-Панаевой». Сколько интереса! Сколько видела она, с какими образованными людьми находилась с самого детства! Еще ребенком она вращалась в театральной среде, потом вышла замуж за известного литератора И.И. Панаева, очутилась между литераторами. Она теперь, наверное, старуха, старше моей бабушки, а сколько она знает! Если ей с малых лет приходилось вращаться в той среде, где главное – искусство, требующее более или менее умственного развития, то как же тут не позавидуешь! У г-жи Головачевой отец и мать Брянские – артисты императорского театра, у них постоянно бывало большое общество, актеры и театралы, – есть что вспомнить, даже и с раннего детства. А потом – какое у нее бывало блестящее литературное общество! Островский, Некрасов и другие!.. А что мне вспомнить в прошлом? – В глухой провинции, ни одного интересного знакомства...

18 февраля. Сегодня умерла мамина няня. Царство ей небесное! Уже давно она хворала, но все выздоравливала, хотя и стара была – 89 лет. Многое она видала на своем веку и все почти помнила. Умная, добрая, славная была няня!

– Все мы умрем, да только не в одно время, – сказала Александра, – сколько ни живи, а два века не проживешь.

Вот своего рода философия. Хотя я и очень редко разговариваю с прислугой, но почти после каждого из этих разговоров невольно раздумаешься, как они объясняют так ясно и просто то, над чем ломают себе многие головы. У нас прислуга вся своя, нерехтская, не тронутая нынешней «лакейской цивилизацией». Вот, например, Александра, она несчастлива с мужем, но никогда на это не жалуется, ей и в голову не приходит, что можно было бы жить лучше: «Ничего не поделаешь, уж на то Божья воля» – таков у нее ответ на вопрос, отчего это так, а не иначе. И с этим убеждением люди живут, рождаются, растут и умирают; и нет у них никаких «почему», которые часто портят жизнь образованному человеку, и живут, тихо, смиренно, ничего не зная, и про них никто ничего не знает. Один Бог ведает всех людей и дела их...

19 февраля. Нет, верно, я всегда буду одна; скучно, что нет никого кругом, но я никогда не даюсь этой думе; и если бы я дала себе волю – тоска бы заела меня, это уж я чувствую, только сдерживаю ее, – ну и цела. Теперь мне бы хотелось иногда, очень редко, впрочем, с кем-нибудь поговорить, рассказать о чем-нибудь, посмеяться, и если бы была здесь А.Н. – мне бы никакой подруги не нужно было бы, потому что она единственный человек, которому я могу сказать все. О, как мне тогда было бы хорошо! Но, кажется, я начинаю «faire des châteaux en Espagne»⁷; этому не бывать, ну и писать про это нечего.

26 февраля. Не хочется идти мне в гимназию, противны стены казенные; поневоле возненавидишь их, когда бродишь одна в классе или в дортуаре: все холодно, мертво так кругом... Теперь, как говорится, все наши учителя «запороли горячку»: программы, повторения, билеты – все пошло в ход. Настал черед учителей разевать рот и уши развесить, чтобы успеть все услышать и проглотить то, что им мы будем говорить со своих скамеек. Ох-хо-хо! Учимся, учимся, вот я, например, до 6-го класса дошла, и все-таки у меня голова пустая бочка. Ведь как, например, мы готовимся к экзамену. Положим, сдали русский, а дня через три алгебра и геометрия. И вот, по выходе из класса, мы стараемся выкинуть из головы всю программу русского языка, чтобы снова набить ее математикой; кончится математика – вытряхивай все математическое, чтобы набить ее историческим, и так до конца экзаменов. Когда же они кончатся, то у учениц в голове получается результат: у неспособной – осталась в голове программа последнего экзамена, потому что ее не для чего уже было вытряхивать, и те обрывочки от программ других предметов, которые как-то успели уцелеть в ее голове; у способной – вся программа последнего предмета и обрывки программы предпоследнего, а про первые экзамены и говорить нечего, – почти что все бывает позабыто (когда забываешь – даже лучше, – в голове просторней бывает); у зубри-зубрящей все от зубрения в голову иногда засекает довольно крепко и только, но своего они никогда почти ничего не могут прибавить к выученному. Ну, да Бог с ними, с экзаменами-то, ведь еще не настали!

Ал. Ник. сказала, что чахотка заразительна. Я была в восторге. Значит, стоит мне прийти к больной Лизе, поцеловаться с ней несколько раз, подольше посидеть и заражусь. Я чуть было на стуле не подпрыгнула, но Ал. Ник. сказала, что можно заразиться, находясь постоянно с больным, и притом долгое время, а я ведь самое долгое могу сидеть у Лизы – час!..

18 марта. Пятыми овладела бешеная стихомания: влюбляются и стихи сочиняют. «Обожают» – и признание в любви в стихах... Дурочка Дуня – и та тоже что-то про любовь сочинила, да рифмы подобрать не сумела и за ужином просит мою тетюшку:

– Сочини мне рифму на «ешь».
– Горошку поешь – говорит, а сама так и хохочет (у них горох был).
– Да нет, – кричит Дуня, – у меня в стихе: ты всех в себя влюбляешь.
– В таком случае можно: и горошек поедает...
– А, а, а, – разревелась Дуня, – вы все надо мной насмехаетесь, я про вас классной даме скажу!

Так и не сочинила стиха Дуничка. И я, точно нарочно, вчера переложила элегию «Брожу ли я» на гимназические чувства и сегодня прочла ее в классе; всем понравилась, многие списали. После мне говорит С.:

– Лиза, милая, напиши стихи!

Думая, что она просит в альбом ей написать, соглашаюсь.

– Да мне не то! Ты мне про меня, сама сочини, да подлиннее!

Я так и вытаращила на нее глаза: я – и вдруг стихи пишу!

– Ты ведь меня знаешь и напиши про меня; ты так хорошо элегию переложила.

Эх, не может понять человек, что перекладывать и самой сочинять – две вещи разные. А в общем – к воспитанницам надо позвать, нимало не медля, врача-психиатра.

25 марта. Подруга Соня свободно владеет формой стиха, как легко читать ее стихотворения! Всего их 6, небольшие, в три, пять и шесть куплетов, и видно, что у Сони есть талант. Сестра Валька тоже сочиняет, попадаются иногда недурные строфы, но она еще не сочинила такого стихотворения, где бы не было ни одной неподходящей рифмы, ни одной глупости: слово «плач», напр., она рифмует «калач». А вот у меня таланта ни к чему нет, да я об этом и не думаю и не жалею...

26 марта. Я часто воображаю себя умершей: лежит тело, моя бывшая оболочка, от которой я только что освободилась, я в воздухе невидима, но вижу и слышу все. Мое тело кладут на стол, совершают над ним панихиды, плачут (впрочем, это едва ли), кладут в гроб и зарывают в землю. Когда же заруют мое тело в землю, тогда я пойду отдавать отчет Богу о том, что я сделала в течение своей жизни... В смерти нет ни для кого разницы: умирает Царь, умирает в тот же день и минуту и последний рабочий, – и души обоих одинаково летят к Богу, отдают Ему отчет о делах своих, и идут потом каждая в место, уготованное им Богом... Завидовать некому: все временное; а когда сравнишь нашу жизнь с вечностью, то делается страшно, страшно до того, что я раз чуть было не вскрикнула от ужаса, когда стала представлять себе вечность. Но сколько ни думай человек, он себе не может ничего представить бесконечным, такова природа людская, хотя и говорят «его никогда не забудут, память его вечна», но если бы действительно вздумали себе представить это «вечно» и «никогда», то никогда не представили, бы. Человек не в состоянии представить себе, ужас объемлет его, когда он углубится в слово «вечно», и мы до того привыкли к временному, что неспособны стоять спокойно перед вечностью. Вот почему умирающие очень часто бывают тревожны: дух человека смущается при переходе в вечность. Только те и умирают спокойно, кто жизнь свою провел безупречно...

31 марта. Вот тебе и ученье: ведь с удовольствием бы стала рисовать, да если нет возможности. – Где это видано, чтобы ученицы говорили «не хотим рисовать», а учитель их слушался! Господи, дай мне нож, и я зарежу его! Ведь такое зло сегодня меня взяло, искусила себе все руки, все пальцы, чтобы только сдержаться, на пол бросилась, руки стала о стол ударять изо всей силы...

15 апреля. Скоро пойдет умственная сумятица. Помогай, Господи, вкладывать всю чужую ученость в наши головы от начала исторических времен...

В Париже выставка открывается 6 мая. Вот бы поехать! Мама только головой качает: куда, говорит, с вашим состоянием тратиться! И чем больше мама так говорит, тем больше она убеждает нас жить в будущем скромно; и чем дольше мы так уединенно живем теперь – тем сильнее мне хочется вырваться на волю, уехать куда-нибудь далеко-далеко от такой монотонной жизни. Во мне сидит какой-то бес, самый непокойный; иной раз я бегаю, как сумасшедшая, по всему дому, страшно хочется мне убежать куда-нибудь, не сидеть смиренно за книгой... А тут мама со своими нотациями, сестры с зубреньем, горничные с книжками от лавок и Михайло со сдачей от говядины. – Эх, жизнь, жизнь...

30 апреля. Первый раз в жизни была в опере, давали «Жизнь за царя». Боже мой! Примадонна труппы, г-жа М., поет, как немазаное колесо скрипит. А хористки, хористки! ведь это ужас, так бы их всех без передников и наказала: с высокой прической и розетками на голове, напудрены, с подведенными глазами, с завитыми челками, у одной даже волосы распущены, и рожи, рожи! А сарафаны! На Марьице надет корсет и теперешний русский костюм, а у хористок, у всех без исключения – турнюры! Визгливые голоса хористок, скрипучее колесо Марьицы при подобных костюмах – эффект! Понравились мне мужчины, только, по-моему, Ване следовало бы не так румяниться и пудриться, а сделать бы себе лицо поглубже, загорелое, более подходящее к деревенскому мальчику. Но после сцен мужчин на сцену вновь являются хористки – и прости-прощай приятное впечатление. Хохотать и злиться хочется, глядя на этих несчастных певиц...

3 мая. Вчера был экзамен русский письменный; тема была простая: «Типы недоброжелателей науки по первой сатире Кантемира». Ее я плохо помнила, и сочинение вышло неважно. Плохи дела! И французский скверно, да и русский тоже! Ну, что же делать, не реветь же из-за неудачи! Не могу не записать: одна из нас, описывая тип Сильвана, написала: «Зачем учить геометрию? (так у автора. – Прим. ред.) Наймешь извозчика, заплатишь ему деньги, повезет куда угодно!» – И это пишет 17-летняя девица! Каково? Чего, кажется, труднее связать слова Простаковой со словами Сильвана, а у нас и это ухитрились сделать. Я думаю, кости Фонвизина и Кантемира перевернулись бы в могиле, когда бы они могли слышать, как перевираются их сатиры!

5 мая. Вот сегодня ровно год, с тех пор как я начала вести заметки. Я вчера прочитала их немного сначала: смешное все такое написано... И вот год. Ничего дома не переменилось, ни одной вещицы, порядок, день – все то же, что и вчера, и прошлый год были! Я читала дневник Полевого (1837–1838); он в конце восклицает: «Что за жизнь! Это жизнь?!» И действительно, ему можно воскликнуть так, у него жизнь была каторгой работы журнальной. А мне отчего не сказать: наше житье отчасти и не жизнь, а что-то среднее между спаньем и едой; впрочем, этому я уже давно перестала удивляться.

Валя просила разбудить ее сегодня в два часа ночи, она никак не может выучить билетов из географии. Я, ложась спать, должна прийти к ней в комнату и разбудить ее, и для этого она вечером сунула мне в щелку двери следующие стихи:

Тебя, о Лиза, умоляю!
Я географии совсем не знаю!
Когда моя дражайшая Надюшка
Прекрасным крепким сном заснет –
Сейчас же мягкая подушка
И одеяло на пол перейдет.
Лишь только все утомонятся

И дрыхнуть станут как сурки, –
Тогда ты можешь и подняться,
И в нашу комнату взойти.
И вот, вся в белом, или в черном,
Тихонько дверь ты отомкни,
Одним толчком, толчком лишь смелым
Меня ты, соню, разбуди.
Теперь сиди до двух часов, чтобы
Вальку разбудить, а мне спать хочется...

13 мая. Вчера днем, помолившись в часовне, иду в гимназию переулком, а мне навстречу трое нищих просят денег. Сперва я отказала, но потом нагнала их: – У меня нет денег, хотите взять мои сережки? – «Давай, давай, матушка» – был ответ. Сама не помню, как отстегнула и сняла серьги – бабушкин подарок – и положила в руку одной старухе. – Они золотые, – сказала я ей и поскорее ушла вперед. Какое-то странное чувство испытывала я, когда ушла от них; определить это чувство я не умею, но оно с такою силою всю меня охватило, что я даже разозлилась. Отчего это бывает?.. Отсутствие серег моих никто не заметил, пока никто ничего не знает.

15 мая. Вчера похоронили Лизу... умерла от чахотки. Упокой, Боже, ее душу! Последний раз я ее видела в марте, и тогда уже видно было, что недолго ей жить, что она уже «не от мира сего», так странно говорила и смотрела, – рука – как палочка, самая тоненькая. Лиза, Лиза! И умерла-то ты среди казенщины, и никого близких при тебе не было. Говорят, что ее хорошо похоронили наши, много плакали; это немудрено: хорошая, славная была она. Досадно, что я не была на похоронах и даже не знала, когда она умерла! Надо как-нибудь летом собраться на кладбище, узнать, где она похоронена. Вот, мы на земле остались и экзамены держим, а Лиза-то ведь где теперь? Теперь она знает все, все, что на земле делается; ведь она жива, но только не здесь.

Я себе смерть так объясняю: живет человек, думает, говорит, все его действия мы видим; умер человек, т. е. вылетела от него душа – и тело не движется, лежит. А душа-то ведь все та же. То, что мы называем «я», всегда будет живо и никогда не умрет; «я» – это не эгоистическое выражение; по-моему, «я» – это сама душа, одушевляющая тело. Когда мы повторяем «я» несколько раз кряду и смотрим в то же время на руки, ноги, плечи, мы чувствуем, что не это, не тело наше составляет «я», а что-то такое внутри нас, и что «я» только заключается в этой оболочке. Посредством «я» мы чувствуем, ходим, говорим, словом – проделываем все то, что проделывают и все люди; но нет «я» – и мы ничего не можем сделать! Посредством «я» совершается все лучшее и все худшее в мире: «я» властвует над другими, «я» разрушает царства, города, истребляет народы. И вот, смерть извлекает «я» из тела, и какие бы великие дела ни творило «я» – все-таки тело его беспомощно, и оно уже не может действовать без «я», а это «я» отдает отчет Богу о своих делах и поступках. «Я», живое, вечное из вечных, живущее частью на земле – в теле, а частью в небе – освобожденное от тела, часто приводит меня в ужас: «Я, я, я», до бесконечности живущее!

О, Господи Боже, как ничтожен человек, пред этим вечным живым «я». Великий ужас обнял бы человека, если бы он непрестанно помышлял о вечности этого «я» и сознавал бы вполне, что его «я» когда-нибудь освободится от тела. Это такой страх, такое чувство собственного ничтожества, что пред ним бледнеют самые жестокие муки, потому что «я» вечно, а земные мучения временны. Смерть – освобождение «я» от тела; я знаю, что «я» живо, никогда не умрет; что когда-нибудь мое «я» увидит в другом мире и это «я». И вот, странное чувство возбуждает во мне вид мертвого тела: другие плачут над ним, как будто человек и действи-

тельно умер, я же вижу только в теле ту оболочку, в которой «я» жило на земле; а так как «я» сохраняет все свои способности и познания, приобретенные на земле, то его-то и следует признавать, собственно, человеком, а тело только его оболочкой. Раз «я» живет вечно, то, следовательно, и человек не умер, а только «я» оставило тело. Поэтому-то мне и странно, при виде этой оболочки, лежащей в гробу, видеть слезы об этом человеке: плакать можно только об «я» и просить Бога простить ему его согрешения, вольные и невольные. Вот и Лиза, ведь она живет теперь, но только в другом месте; и я когда-нибудь увижу ее и узнаю, каково ей.

Вчера, когда я узнала, что она умерла, я пошла поскорее к себе, помолилась и открыла Евангелие наудачу, чтобы потом истолковать то, что откроется. И открылось мне: Евангелие от Иоанна, глава 11-я, стих 26: «И сверх того между нами и вами утверждена великая пропасть, так что хотящие перейти отсюда к вам не могут, также и оттуда к нам не переходят». После этого я еще два раза открывала Евангелие, но не попадала на более подходящее к смерти. Сейчас я открываю вновь Евангелие от Иоанна, глава 16-я, стих 25: «Но Авраам сказал: Чадо! вспомни, что ты получил уже доброе твое от жизни твоей, а Лазарь злое; ныне же он здесь утешается, а ты страдаешь». Как истолковать эти слова?.. Лиза, Лиза! Вот и меня тоже зовут Елизаветой; и молясь – упокой, Боже, душу новопреставленной рабы Твоей Елизаветы – воображаю, как и надо мной будут читать молитву эту, петь зауспокойные стихи. Господи, тогда-то мне хорошо будет!

Лиза, Лиза! И зачем только ты умерла?! Если бы я плакать умела, я бы не по-человечески заплакала, но плакать я не умею, как по-настоящему плачут. Вот злиться – умею, до того, что всех, кто разозлит, могу зарезать; руки себе до синяков кусаю и перочинным ножом режу, если разозлиться явно невозможно...

25 мая. Завтра экзамен «физичный», и последний. Да, дела!.. Сегодня от тети получено письмо из Берлина с 2 марками, по 10 пфеннигов каждая; и я не только не могла узнать содержание письма, но даже мне не позволяли взять хоть одну из заграничных марок. Дверь мамаша моей заперта сегодня... и подумаешь из-за чего? – Только сказала маме: не проходи, пожалуйста, через мою комнату, надо ведь заниматься! Мама дошла до двери своей комнаты, и через минуту же, точно маленькая, снова к двери. Тут уж я не вытерпела: так, мама, и учиться невозможно! И что же? Дверь в мамину комнату, прежде бывшая лишь притворенною, с шумом захлопывается на задвижку и уже весь день не отпирается. И чего-чего только к этому случаю не было пристегнуто: и что-то о манерах, и что-то о благодарности, и что-то о пирожном, и «я тебе покажу, кого ты должна слушаться», на что я, помню, тихонько ответила: «пожалуй». В результате, конечно, брань, и уже не «дрянь-девчонка», а нечто посильнее, похуже и вообще для человеческого достоинства пооскорбительнее... Действительно, я могу быть, ну, хоть дрянью, но тем, чем Бог сотворил не людей, а свиней, и даже вообще никого не сотворил, – я не могу быть не только по законам человеческим, но и по закону природы. Я не слыхала от мамы и таких слов и таких поступков уже давно, и странно, что ничего мне от этого не сделалось: все слушала спокойно, точно не мне говорят. А коли отвыкнешь от таких сцен – трудненько ведь к ним потом привыкать...

Завтра физика. Как-то придерется ко мне физикант: на все его вопросы и придирки я в нынешнем году торжественно молчала, за что получала аккуратно каждый раз 3. Я нахожу очень странным привычку человека спать ночью: сон пустая трата времени. Вчера я до четырех с половиною часов утра сидела, – и физики 10 билетов выучила, и целую книжку «Исторического Вестника» прочла. А сегодня почему-то спать хочется. Делал бы человек дело день, делал бы его и ночь, да спал бы всего два часа; вот тогда и к экзаменам удобно было бы готовиться. Бьет уже 11 часов. Пора заниматься...

26 мая. Ура! перешла в 7-й класс!! Сегодня, после физического экзамена, получила все билеты, у меня всего две четверки экзаменационных, а на остальных 5. Про годовые – не говорю, потому что... Какая суета, гам, шум, крик, возня, – словом, все то, что мне так нравится, что я так люблю в гимназии. Каждая после экзамена бежала в дортуйар укладываться: снималось казенное белье, передники, так что те, которые уходили сегодня, надев для приличия только казенное платье, были совершенно декольтированы и сидели на кроватях.

Я бродила, бегала взад и вперед, наблюдая воспитанниц. Вот идет одна из них, остановилась, вздохнула и говорит: «Слава Богу, теперь и последние сдали, больше нечего уже бояться, совсем свободны; слава Тебе, Господи, слава Тебе!» и начинает усердно класть земные поклоны перед висящим на кровати образом. Рядом с ней, вся обложенная вещами, на коленях перед раскрытой тумбой другая; третьей платье портниха принесла; та затягивается в корсет, надевает его, кругом с любопытством смотрят... Все больше и больше приходят с экзамена, вот, наконец, пришла и последняя. Теперь собралось судилище; сидим, толкуем. Вдруг вышла Людмила Иосифовна с листком фамилий и баллов, мы все бросились к ней, заорали, зашумели; я кричу – Мне сколько? – «Пять!» Я разинула рот: у меня годовой 3, а на экзамене 5! и на два стула вышины подпрыгнула от радости. Самый трудный для меня предмет сошел так прекрасно!.. Все бегают, смеются, я душила и тискала Маню... Кто-то сказал:

– Mesdames, ведь мы – седьмые, понимаете ли вы это?

Я только тут сообразила: ведь, действительно, седьмая! И все очень дивятся моим баллам: из физики, кажется, единственный в классе контраст, «поразительный» прибавляют восьмые.

– С тобой, Лиза, мы уравнились, – сказала мне П-ая, получившая три на экзамене. – Да, так давай уравнимся и в 7-м классе: ты ведь будешь бить на золотую, хотя мне это совершенно все равно, у меня «честолюбия» нет...

Господи, как приятно теперь. Экзамены кончены, на душе так легко...

31 мая. Для развлечения я теперь придумала написать, как я провела год живущей в Сир-доме; положим, это будет смахивать на «воспоминания», ну, да ничего: ведь я не покажу своей тетрадки никому, а писать для себя совсем не грешно.

4 июня. Сегодня умер Иван Данилыч, наш хозяин. Старый друг его, Иван Антоныч Котласовский, часто бывал у него в последнее время и теперь бегает и плачет: последнего друга своего хоронит. Переходя двор, подошел он к окошку нашей передней, где были мы все, и когда мама выразила ему свое сожаление, он только сказал: «Все кончено... послал телеграммы везде»... и старые, голубые его глаза были совсем красны, и голос дрожал... Жаль его... Жил человек, и умер; «окна мелом забелены; хозяйки нет». А я ни на минуту не подумала об Иване Данилыче, надеясь, что не умрет.

Снились мне сны в эту ночь, и преглупые сны. Один такой страшный, я даже закричала: снилось мне, что лежу я на постели у самой двери моей комнаты; а за дверью стоит кто-то и просит у меня ключа от двери (она заперта), чтобы повеситься на моей стороне двери на продолговатой формы задвижке. Я ключа не даю и держу у себя под одеялом; и знаю, что этот кто-то не может у меня ключа отнять, потому что дверь заперта; а кто-то все просит и умоляет дать ключ. Наконец, кто-то говорит: «А, ты не даешь, – сама достану»... и начинает дергать дверь и даже хочет просунуть пальцы сквозь щель ее, чтобы отодвинуть задвижку. Боже, я испугалась и закричала... Проснулась – слышу бьет 5 часов. Снова заснула.

И снится мне вновь, будто на море большая буря, я спасаю и собираю вещи какой-то немки, которую очень люблю; тружусь без устали, и вдруг попадаю в дом, где все Д-вы. Как только я вошла в дом, мне тотчас дали жену; на ней черное платье и цепочка вокруг шеи от часов. Она меня будто бы любит, но вся эта масса жен и мужей интригует, сплетничает и наговаривает друг на друга; между ними есть какой-то старший, но я чувствую себя очень сво-

бодно, он оказывается моим мужем. Когда я иду мимо темноватой комнатки, кто-то из мужчин говорит мне: «У твоего мужа десять любовников: Мен, Лен, Зен, Пен»... Я останавливаюсь, ошеломленная вестью об измене мужа... и проснулась... Я помню все, что снилось, так ясно и ярко, точно все ощущения были наяву.

Странно. Ну, и снится же такая чепуха! Не знаю, что и вздумалось мне записать эти сны, нелепы и дики они...

Я так думаю, что это от цветов: третьего дня я купила на бульваре два букета каких-то ночных фиалок, полевых цветов с сильным запахом, и вторую ночь ставлю их около своей подушки.

15 июня. Ровно через два месяца будет рождение моей собственной особы: 15 августа и 15 лет! Чем больше – тем лучше: значительное количество лет внушает уважение и почтение к своей особе других личностей, а этого должен желать каждый. Как бы мне хотелось умереть именно в этот день, ровно в 6 часов утра, когда я родилась, и если бы кто-нибудь прислал ко мне смерть на этот день и час, то сделал бы мне самый лучший подарок на рождение. Но чего хочется, того всегда долго ждать приходится, это я замечаю уже давно. Вот хочется умереть, а жди, когда сама смерть придет; хочется книги – жди, когда пришлют из библиотеки; хочется платья – жди, когда матери купят и сошьют. Хуже всего, что смерть не идет; если бы можно было крикнуть: «Эй, ты, пошла сюда, тебя мне нужно!» Хорошо было бы, а то – все жди...

27 июня. Год назад поехала в Нерехту. От времени моего пребывания там остался дневник, писанный карандашом, на четвертушках бумаги; я как приехала оттуда (8 июня), так его и не развертывала, надо будет как-нибудь рассмотреть⁸.

1 июля. Ну день! Сестры довели Александру Николаевну до отказа и этим заставили маму унижаться, просить у нее, как милости какой, остаться, как будто мама сама была гувернанткой и просила не отказывать себе от места. Это гадко, мерзко, низко! Я, будучи на мамином месте, так унижаться бы не стала, а на детей обратила бы побольше внимания; а то у нас все на словах, и исправление, и старание, и все такое, а действием мама никогда не проучит хотя бы Надьку, упрямейшее существо в мире...

2 июля. Читаю я свой дневник и вижу расписание каждого дня. Это глупо, уж лучше совсем ничего не писать, чем каждый день одно и то же.

Я читала где-то, что если намочить платок эфиром и вдыхать его, то человек получает странные ощущения. Ложась спать, я и хочу сейчас испытать это: помочу платок и лягу в постель. И эфир у меня, кстати, есть, его я вчера купила для задушения насекомых.

А, а так ты не можешь, у тебя духу не хватает... Так будь же ты проклята трижды, проклятое создание!

4 июля. Прекрасная мысль пришла мне, когда я с мамой провожала Толгскую Божию Матерь: когда окончу курс в гимназии и если мама не согласится на дальнейшее продолжение моего образования, – я поступлю в монастырь! Чем дома жить да небо коптить, уж лучше служить Богу, тем более что меня в семействе ничто особенное удержать не может. Лучше монастыря и быть ничего не может, я теперь все о нем думаю. Вот какие иногда прекрасные мысли в голову приходят, и совершенно неожиданно.

8 июля. Горничная сказала мне, что сегодня за обедней в монастыре будут постригать монахинь, двух, кажется. Я решила непременно идти туда: ведь, может быть, когда-нибудь и я буду так же постригаться, отчего же мне и не посмотреть? Но, однако, ничего не было...

Досадно, что наследник покойного Ивана Данилыча вздумал подарить довольно порядочное количество его книг, между прочим Белинского и Тургенева, старушонке, верхней квартирантке, которая их никогда и в руки-то не возьмет! Гораздо лучше – продал бы их маме; новых книг она никогда не покупает, а по случаю купила бы.

9 июля. «Ах, какие у вас манеры! – Вы не умеете держаться!» – терпеть не могу я этих восклицаний Ал. Ник., *не понимаю* их, ибо легче мне просидеть над физикой три часа и выучить десять теорем, чем понять: восклицания эти для меня совершенная terra incognita. Человек идет по улице, кланяется, разговаривает, а про него говорят: «Манеры хорошие, хорошо себя держит». Подавание руки, разговор, походка – все это имеет ведь свое название, а в общем называется «манерой держать себя», так, что ли? В таком случае это похоже на сложение: каждое число имеет отдельное название, а сумма их другое, так ли? Слова эти даже неудобны, но без них почему-то не могут обойтись, как отцы, так и матери, как гувернеры, так и гувернантки; других, я уверена, нет совсем в мире...

12 июля. Ал. Ник. начинает говорить мне дерзости, и я насилу удержалась, чтобы не назвать ее как-нибудь: слишком уж далеко начинает заходить. Если после 1 июля роль мамы по отношению к ней переменилась, однако – кто в ком больше нуждается? – Мама платит ей 30 рублей в месяц, а у нас гувернантки, знающие иностранные языки, получали 25 рублей, и если она откажется – ей скоро такого урока не найти, 30 же рублей в ее семье большие деньги...

Эта изящная барышня, образец прекрасных манер и деликатного обращения, говорит дерзости своим же воспитанницам, зная, что мы не можем ей отвечать тем же, защищаться, и, выходит, похоже на то, что самый большой человек бьет маленького невинного ребенка. Так поступать нечестно, или, иначе говоря, не по-рыцарски. Вообще, наш «образец» во многих случаях является «образцом нечестным, образцом на шпильках, но сверху прикрытым одеянием хороших манер и изящества». Нечего сказать, хорошо! А еще мама говорит: «Бери с Ал. Ник. пример!» Очень благодарна, но брать пример с таких «образцов» в отношении их дерзостей и оскорблений младших я никогда не буду. Вот тут-то и показывает себя человек!

19 июля. Сегодня я одно выражение Ал. Ник. сравнила с выражением пьяного мужика, и сказала ей. Подделом! в другой раз так не заговорит. Вот и благородная барышня! Виден человек во гневе своем: изящество наружу, а колкость и дерзость внутри!.. Теперь она будет молчать и говорить только «прощайте» и «здравствуйте». Это очень скверно, я терпеть не могу, когда так говорят, но не извинюсь, не извинюсь. Никогда до нынешнего года я не писала и не думала о ней ничего дурного, а тут и пишу и думаю самые нелестные для нее штуки. Что делать – пишу правду! Защищаться младшему от старших всегда необходимо; я ведь уже в 7-м классе, мне скоро будет 15, а ей 22 – это почти одно и то же – следовательно, она, да и никто, безнаказанно мне дерзости говорить не может. Вообще, я не мямля, не ребенок, а совсем взрослая женщина! Дома думают: «Ты – точно малый ребенок, любишь бегать, играть». Но, Боже мой, разве взрослые женщины не играют и не бегают, когда соберутся между собою?! Это ведь не грех...

24 июля. Читала я сегодня вечером хороший роман Линева «Исповедь преступника». Если бы не предисловие, право, подумала бы, что все это выдуманно, – до такой степени все странно, неожиданно и необыкновенно в этой исповеди. «Бывают же на свете люди, с которыми случаются странные вещи!» – где-то я прочла это выражение, и оно удивительно подходит к автору романа: все – романично и все – правда!

31 июля. Были за службой в немецкой церкви. Внутренность ее представляет продолговатую комнату, на одном конце округленную, и там стоят иконы, изображающие Распятие Иисуса Христа, Тайную Вечерю и еще по иконе справа и слева; по сторонам длинные, снежно-белые скамьи; на стене висит черная доска с написанными белой краской цифрами. И все. Ни одной иконы более, ни одной зажженной лампы; все тихо, уныло, казенно... мертво как-то! Когда мы вошли, пастор стоял в особой пристройке, наверху стены, под балдахином, и говорил своей пастве с жаром, жестикулируя, иногда взглядывая в книгу. Усевшись на одну из задних скамеек, я из всех сил слушала, о чем он поучал своих прихожан, и поняла-таки суть его речи: любовь к Богу, слова Бога, исполнение их людьми; любовь к ближнему. Говоря о вере в Бога, он указывал себе на сердце и, громко воскликнув, еще чаще стал повышать и понижать голос. Сказав в заключение обычное «Амен», пастор сошел вниз. Еще в середине его речи заиграл орган, и все сидящие запели хором; я так и замерла на месте, услышав это пение: до того тихо, стройно и звучно раздавалось оно под сводами церкви. Господи, как хорошо! Точно и нет этой казенной унылой кирки, а есть что-то другое, хорошее... Вскоре пастор подошел к столику перед иконой Распятия, который, очевидно, заменяет алтарь. Со скамейки сошла одна немка и, приблизившись к столу, стала перед ним на колени. Началось чтение по книге, вперемежку с пением и органом, потом орган заиграл надрывающий душу похоронный напев, и пастор взял со столика облатку, подал ее женщине; затем чашу, и дал ей пить. Это совершалось причащение. Мне даже стало страшно: по их понятию, Дух Святой нисходит на эти Дары, они причащаются и думают, что Бог принимает их службу. Жалко их! Слепленные люди!

Ох-хо-хо! Что будет через месяц? Великий Господи, сделай так, чтобы я умерла в этом августе! Ведь тоска, как подумаешь, что через месяц будешь одеваться, собирать книги, будут ходить учителя – фу-уй! Умирать время: довольно, кажется, жила, и хотя настоящей жизни не видала и ничего не знаю, но умереть все-таки мое первейшее желание. Настоящая-то жизнь – там, у Бога, и мы живем на земле пресмыкаясь.

13 августа. К вечеру вдруг сверкнула молния, но грома нет, и теперь, когда пишу, разлился ливень. Кругом темно, все стихает, и в природе разливается какая-то теплота... Еще 33 часа, и мне 15! Давно мне хотелось, чтобы цифры совпали, и наконец-то. Скоро время идет, и пусть идет оно быстро-быстро, не давая ни минутки нам назад оглянуться, чтобы подумать о прошлом, – все это глупости одни. О, была бы моя власть, было бы время действительно в образе старого старика, – я бы крикнула на него: ну, скорей, время, скорей, беги, беги, не уставая, быстро, вперед, не давай никому раздумывать!.. – И бежало бы время, чем быстрее – тем лучше, тем ближе к смерти, к могиле.

Тетрадка кончается; напишу для конца что-нибудь о «кончине». Это было 7 лет тому назад; гувернантка у нас была Зинаида Андреевна. Было дело летом. З.А. сидела на складном стуле около беседки, держа в руках «Московские Ведомости»; я стояла, опершись локтями на ее колени, и слушала, как она начала рассказывать горничной:

– В одном селе упала с неба бумага и будто бы эта бумага кричала: «Вы все грешники и недостойны меня поднять». Тогда нашелся один праведник, который ее поднял и прочел, что через 7 лет будет кончина века.

Тогда, помню, я подумала: через семь лет... мне будет уже 14... и эта цифра показалась мне огромной. За весь этот семилетний промежуток я иногда вспоминала об этом рассказе и считала, сколько лет осталось до кончины века. И вот – до сих пор ее нет. Экую, подумаешь, глупость люди выдумают...

16 августа. Завтра молебен, и значит – ученье... да что про него толковать, скучно. А нынешний год обязательно надо бы учиться; впрочем, я это давно знаю, следовательно – нечего и писать. Так и чувствуешь уже учебную обстановку, даже кажется, что Ал. Ник. на фотогра-

фической карточке строго смотрит на меня и говорит: «Ну-с, вы приготовили эту теорему, а там посмотрим несколько задачек». Этот год последний; дай Бог всего хорошего.

20 августа. Вчера был молебен... У о. Клавдия и о. дьякона новые ризы: золотые с серебряными крестами; еще две иконы на подставках по сторонам царских врат тоже новые. Завтра ученье...

21 августа.

Не грех ли для начала года

Так глупо время убивать?

Пробило 8 часов, Михаил открыл ставни, – тусклый свет дождливого дня как-то лениво проник в комнатку, скользнул за ширмы, и тем заставил открыть глаза мою милость. – Ну-с, подумала я (и едва не сказала вслух), а ведь сегодня надо... и взглянув на висевшее напротив форменное платье, принесенное еще с вечера, не докончила своей мысли: чего ж тут размышлять? Обряд одевания моего затянулся долго: день был скверный, лил дождь, все было как-то лениво, отчего же и человеку в такой день не полениться одеться быстро?

Вышла я в столовую, наскоро выпила чаю или молока и, взяв зонт и «календарь для учащихся», быстро пошла по дороге к своей гимназии.

Двери были открыты, и на вешалках в передней висело уже множество шляп и одежд; Степан сидел на ларе и курил. Взбежав по лестнице, я прошла через залу и открыла дверь седьмого класса. Там слышался смех, болтовня и шелест сшиваемых новых тетрадей из казенной бумаги; некоторые из воспитанниц доканчивали очень полезную, придуманную ими штуку: в крышку столика вбиты были четыре гвоздя и на них крестообразно обвивались нитки; пространство между нитками и крышкой служило вместо портфеля для вкладывания бумаги, тетрадей, нот, писем и т. д. Поздоровавшись со всеми, я, как деловой человек, осведомилась о новых книгах.

– Пиши, – сказала Оля, – таблицы логарифмов и руководство косматой географии Малинина и Буренина.

Я записала буквально ее слова.

– Да ты смотри, не спрости так в лавке по рассеянности, ведь могут тебе дать «косматую» географию! – Кругом засмеялись. Я окончила записывать, больше делать было нечего, и я решила идти домой...

– Нет, не пойдете, – вдруг вымолвил Шкалик, встретив меня в зале. Оторвавшись на минутку от журнала, он удивленно глядел на меня:

– Оставайтесь здесь.

– Неужели до 4-х? – перебила я его, совершенно недоумевая от такого решения.

– До тех пор, пока Надежда Ивановна не разрешит, – был ответ.

– Не пустила, – возгласила я, вернувшись в класс.

Вошел Шкалик.

– Приходящие будут здесь, а вы уйдете домой на завтрак в 12 часов, и чтобы в 2 часа опять прийти сюда.

– Зачем?

– Да что вы, поглупели, что ли, за лето? – накинулась на меня Александра Андреевна. – Ведь придут же учителя, а если их нет, то все же вы должны сидеть и ждать! – И рассерженный Шкалик убежал к своему безответно-покорному стаду – третьим. Вот и сиди! Старая история.

Вскоре наши достали расписание и торжественно внесли его в класс. «Понедельник. Первая – математика, вторая – история, третья...» – раздался громкий голос читавшей, покрываемый удивленными восклицаниями остальных. Работу прервал звонок, напоминавший час моего освобождения, и я убежала без оглядки домой. О близости 2 часов я не беспокоилась:

еще вчера сказали нашим, что Г-ев не придет, будет пустой час и опоздать теперь минут на пять – не беда. Взяв с собою романы, грязною дорогою я дошла до гимназии, но, переходя перед ней улицу, запуталась в грязи, чуть не упала, и с трудом наконец добралась до крыльца. Тихо прошла я в залу, где царствовала та зловещая тишина, по которой можно всегда угадать, что идет где-нибудь урок.

– Да, ведь у вас Г-ев! – сказал мне кто-то.

– Неужели?.. – и скромно войдя в класс и поклонившись учителю, я села на свое место. Г-ев говорил о добром сердце Карамзина и, вероятно, от гордости, что он преподает в седьмом классе, как-то особенно, кругообразно вертел бровями и так моргал глазами, что я подумала, уж не сошел ли он с ума? Толкуя долго и много о Карамзине, он навел на большинство скуку, но я слушала внимательно, потому что хотела выучить без записки, в чем и успела. По окончании урока Шкалик вновь набросился на меня:

– Вы почему опоздали? Я вам в поведении сбавлю, а в следующий раз будете оставлены на час. Вы думаете, что седьмые, так на вас и управы нет!

Произошла опять путаница в расписании; мы стали ждать французского... Учитель не являлся, я присоединилась к нашим, и мы болтали о пустяках до 4-х. Уже будучи на улице и сообразив, как и что было, я вспомнила очень меткие стихи Аркадского принца:

Не грех ли для начала года
Так глупо время убивать?

Да, правда, и это потерянное время воротить было совершенно невозможно...

23 августа. Разбираясь у мамы в книгах, я взяла себе несколько прекрасных французских книг, и между прочим «La vie de Jesus par Ernest Renan»⁹, страшно обрадовавшись этой находке. Но мама тут как тут: пришла, увидела и взяла, сказав, что рано читать! Но ведь мне уже 15 лет. У меня все-таки остались: «Эмиль» Руссо, «Коринна» Staël, «Приключение Телемака» Фенелона, Жюль Верн – все в оригиналах; а *ты* книгу я как-нибудь после отыщу у мамы...

29 августа. Э, да я, кажется, 6 дней не писала? И хорошо, а то к чему каждодневные скучные строчки. Начала посещать свою «старую дуру». Действительно, чем наша гимназия не «старая дура»? Там все из ума выжили, начиная с начальницы и кончая швейцаром. Надежда Ивановна благополучно допускает всех дочек своих к наградам и золотым медалям, отнимая их у других воспитанниц; шьет своей любимой Наде платья, очень мало заботясь о других живущих, их поведении и учении; говорят (и подтверждают), что она берет подарки и покровительствует кое-кому...

Шкалик злится, бегают, наказывает, суется везде и не в свое дело, преподает французский язык, а сам не умеет передать легонького рассказа на этом языке; говорят (и подтверждают), будто бы пить иногда любит, – что именно – каждый может догадаться... Другая классная дама П. разделила свой класс по поведению на «мраморных, золотых, серебряных, тряпичных», кажется, «медных», и дала каждой из них подчиненную младшего класса, «дочку», приказав звать ту, которой дана, «мамой». Mais que-se que c'est donc?..¹⁰ Дюсс – скверная подражательница двум первым: ругается, толкается, кричит, – словом, совсем не то, чем должна быть воспитательница... «Машка дура» – ходячая глупость и простоватость, ее проведет всякая приголовишка, а глупа до того, что подобно Жене Д-шевской играет иногда в мячик с мальчишками; и вовсе не по педагогическим взглядам об участии воспитательниц в детских играх, а от своей глупости... Ну, могут ли все эти быть воспитательницами здравомыслящих русских молодых девочек?! Четыре других... – все молоды, невесты, шумят и смеются, – нужно ли их слушаться?

О преподавателях не говорю. Русская словесность – по запискам, остальное все по книгам; ни живой мысли, ни живого слова! Учитель физики, объясняя новый урок, когда касается дело геометрии, поспешно объявляет, что это дело учителя математики, а не его. Урок от этого делается менее понятен, но зато «физик» не прибавил себе лишнего дела, которое принадлежит «математику». Все предметы, по-моему, должны находиться в связи между собою: русская словесность, славянский язык, история и география; физика, космография и география; французская лит., французская история; Новый, Ветхий Завет, катехизис; история русской и вселенской церкви обязательно со всеобщей и русской историей и географией. Вот тогда была бы действительная польза; тогда часовой урок мог бы обратиться в двухчасовой, все бы стали стараться знать, чему их учат. Теперь же – каждый предмет сам по себе, и когда пришлось раз Г-еву в пятом классе, по поводу басни «Гуси», спросить – в котором году был спасен Рим, по какому случаю, с каким народом велась война, – все молчали, а учили недавно. Эх, никто ничего не понимает, замечать и знать не хочет...

Наконец – Степан, старик швейцар, целые дни ругается с дочерью, чуть ли не дерется с ней, невежа, никому из учениц не подает пальто...

И вышла гимназия «старая дура».

8 сентября. Вызвали вчера из космографии, я очень плохо отвечала; хорошо, что меня прервал звонок. Да! говорят, что физика и космография легки (в этом по традиции убеждены воспитанницы) и из них получали 5, а я рискую два получить и провалиться... А еще твердят: золотая медаль! Где мне! Вот подавайте мне терпения, прилежания, хоть по 2 фунта на каждый день, да еще сделайте так, чтобы и урок мне всегда нравился, – тогда, наверное, медаль будет; ну-с, а без этого – прошу не взыскать: если не понравится урок, я и читать его не стану... Вообще, все уроки нужно учить только перед классом: тогда память свежее будет.

14 сентября. Была вчера у всенощной: всегда почему-то мне за ней вспоминается Лиза, – где она теперь? Почему, несмотря на все могущество знания человеческого, никто в мире мне об этом сказать не может?! Где она, Лиза, с которой так часто я встречалась, смеялась, шалила, – и теперь? Каково ей, и когда я уйду туда же? Боже мой, если бы вместо ученых трактатов о земном человек знал бы хоть что-нибудь о будущем, небесном, – было бы в миллион раз лучше... Где она?!

17 сентября. Вот смешно: Ал. Ник. попросила меня подготовить из французского во второй класс ее Зину. Мне – и вдруг учить! Чтобы меня поучить – это с удовольствием, но самой учить – даже и во сне не снилось. Правда, лет 6 тому назад я учила «всем предметам» и усердно объясняла правила арифметики (быть может, потому, что я их сама плохо знала) своей кукле, но то было уже ох, как давно! С тех пор у меня совершенно пропала охота заниматься педагогикой; я не чувствую к этому делу ни малейшей охоты... А если я живого человека в педагогическом жару побью немножко? Ведь я люблю, чтобы понимали сразу, и когда сестры просят вторично объяснить – всегда молчу...

30 сентября. Вот и 5 из космографии, хотя урок прочитала только один раз и с первой лавки подсказали величину солнца. Да-с! Дела-то очевидно к «золотой» подвигаются: из русского – 4, из арифметики спросят – 2 обязательно получу... Боже, у нас один «русский» учитель, и мы не знаем, как от него-то отделаться, а в 8 кл. целых 3: один – русская литература, другой – русский элементарный и третий – педагогика. И разве может мужчина читать и понимать педагогику? Ведь ее знают только мамы, да и то далеко не все. Когда же настанет то прекрасное время, когда во всех женских учебных заведениях не будет видно ни одного синего фрака? Когда же, наконец, женщину станет учить женщина? Ведь так гораздо лучше: к муж-

чине не со всяким вопросом обратишься, с ним все-таки не свободно, да и ему не всегда ловко; с женщиной – дело другое. О, Господи, уж если мы до такого времени не доживем – пусть хоть внучки наши не увидят в своих заведениях синих фраков... Исполни мое прошение, Господи!

12 октября. О Боже мой, если бы Ты мне помог на самом деле сделать то, что мне так хочется! Мы не можем служить и занимать важные должности, но есть одна область, где не нужно мужчин, а где все дело должно принадлежать женщинам... Но для этого надо мне еще *шесть* лет ждать... Долго! Долго!..

Соня пишет роман в прозе: «Погибшая молодость»; я не читала его, но, судя по заглавию, кажется, похож на те малоизвестные романчики, вроде «Восходящей двери» или «Мертвецов-мстителей», которые напоминают ежемесячные книжки малораспространенных журналов. И стихотворения ее отсылать в редакцию пока нельзя: новые, без сомнения, будут гораздо лучше. А у меня «Четвертый класс» еще не двигается: потеряла тетрадку, но мама сегодня пришила новую, и завтра начну писать дальше.

17 октября. С чего начать? Господи, какой день сегодня! Сто лет пройдет – не забуду, да и никто, наверное, не забудет. Обедня была торжественная, пели прекрасно; о. Клавдий сказал краткую, отличную речь. «Ангелом своим заповесть о Тебе сохранить тя, во всех путех Твоих»; он говорил о жертвоприношении Исаака и просил Бога принять нынешнюю молитву всей России. После обедни начался молебен, служившийся по особо составленному для этого дня Святейшим Синодом чину. Что это был за молебен! Век бы слушала и не ушла из церкви. «Да не хвалится мудрый мудростью своею, сильный силою своею, богатый богатством своим», – читал о. дьякон. Господи, прими молитву нас, людей простых, темных, незаметных... Дивно было, когда запели «Слава в вышних Богу»: слова этой, обыкновенно вечерней, молитвы (что придает ей большую торжественность) производят странное, торжественное, светлое, прекрасное впечатление...

Из церкви мы пошли на парад. На площади было много народу, и я не могла видеть все то, что там происходило. Слышно было только пение, и как только оно раздалось – заиграли «Коль славен»: две молитвы поднимались к ясному синему небу, точно два звука от всей массы народа летели к Богу, сливаясь в один, нежный, чистый и звучный... Что это была за минута! После молебна началась закладка часовни. Я все ждала, когда же крикнут «ура». Но вот унесли старые, изорванные знамена полков, через минуту шапки замелькали в воздухе, и клики ура! понеслись по площади...

25 октября. На нашем балу танцевала я много, весело мне было и... за это получила замечание, что дурно держу себя. Я очень удивилась и обратилась к Шкалику за объяснением. «Нечего объяснять: вы стоите впереди, а больше ничего и не спрашивайте, идите, идите», – был ответ. Так вот в чем дело! Я стояла в первых рядах группы танцевавших воспитанниц и шла вперед, потому что вся толпа двигалась так же. Если я в чем и виновата, то, пожалуй, в том, что пригласила родственника губернаторши; ведь он все же посторонний, а я, как-никак, все же ученица... А если меня часто приглашали, то не виновата же я в этом; своею внешностью никогда не занимаюсь, или ровно настолько, чтобы каждый день быть умытой, одетой и причесанной, да и то заподозревают в употреблении чего-то неподобающего – кольдкрему или глицерину. – Жду, что будет завтра в дежурство Шкалика. Но что будет, когда мама узнает это замечание?!

31 октября. В поведении в выводе 5-; из франц. оказались три единицы... Мама все узнала о моем поведении на балу, и ради того, что она простила, не прогнала меня от себя – я все готова от нее теперь перенести; даже буду охотно учить Игнатович для N.Noуег, буду

учить усердно теоремы и делать алгебраические задачи. Милая мама! А я какая гадость, глупая девчонка!

22 ноября. Думаю написать «Царство математики» и для этого просила Ал. Ник. назвать мне возможно большее количество имен математиков знаменитых, древних и новых, и их «ученые разговоры». Но – вообще нужно заметить – она не может ответить на мои вопросы; и теперь уже сознаю, что за два года я выросла, а она нет, что ее догоняю. Если она знает арифметику лучше меня, умеет учить малых ребят – это еще не резон говорить мне: «Как вы смеете так со мной обходиться? Я вовсе не хочу фамильярности с вами». В романе «Дача на Рейне» педагог не такой был, а доктор философии, да и тот позволил своему воспитаннику говорить себе «ты», был с ним хороший и добрый, а не гордился и не говорил Роланду «не фамильярничайте», хотя имел тысячу раз более прав поднять перед ним свою голову, чем Ал. Ник. перед нами...

О многом судит она как-то странно: «Вы, – говорит, – знаете, что обязанность каждого человека – не грешить, а когда он не грешит, то старается каждому делать приятное; вы не должны раздражать своими вопросами других, это грех». Хитро, ловко придумано, но тут ясное противоречие: очень ведь часто человек, желающий делать приятное другим, льстит, для приятности этой берет себе на душу даже очень большое количество грехов. Я это и сама ясно вижу и читывала в священных книгах у бабушки. Что же это она, не понимает, что ли?

Тоже о театре: нам о. Клавдий говорил, что в нем бывать грех, а она говорит нет; даже отвергает, что ад вещественен, хотя этому и есть неопровергнутые доказательства в книге «О смерти» сочинения какого-то Измаила, епископа в Бабаевском монастыре. Я спорю, доказываю – не верит, ну точь-в-точь, как некоторые мои одноклассницы, которые также это отрицают...

1 декабря. Недавно читала «Воспоминания о поездке на Афон» Страхова (Рус. Вестн., 1889 г.); когда читаешь «письма» Святогорца – на душе так отрадно, точно праздник какой-то, даже и теперь, когда пишу, не выразить всего словами. Чудное место, судя по описаниям, эта гора – вся озаренная вешним солнцем и природою. И среди нее люди и Бог... Спросили бы меня, где Богу быть подобает на земле, скажу: на Афоне. Там только служат Ему так, как должно служить, и среди наиболее лучших рабов своих Он пребывать должен...

Вот приближается Рождество, и мне невольно на ум приходит эта гора: как там проводят праздник, и как у нас? Как ничтожны все наши удовольствия, заботы и желания пред одной молитвой жителей горы Афонской. Ведь из этих-то забот и удовольствий состоит вся наша жизнь, следовательно, также и она сама жалка, пошла и низменна. А те молятся до конца жизни своей, мысли их чисты и ясен ум. Мы – червяки, они – птицы! И часто мы, люди, ползаем весь свой век в житейской грязи, и ни на один миг в нас не проснется дума о том, что из этого будет?... Остается только пожелать умереть на Афоне – там так приятна и смерть.

1890 год

1 января. С Новым годом! По примеру прошлого года, я и на этот раз поздравляю себя... День хороший, очень тепло. Суворин в «Маленьких письмах» совершенно верно заметил: «Если бы воскрес Алексей Михайлович и ему бы сказали, что готовятся встречать Новый год, то он нисколько не удивился бы: в его время встречали 1-го сентября, и заметил бы только: «Что это холода рано наступили, и снег выпал». Совсем поздняя осень, да и та холоднее.

7 января. Господи, отгони от меня мирские мысли!.. Читая из книг и газет описания придворных балов, театральных представлений, постоянно воображаешь себе все великолепие обстановки, роскошь их жизни и изысканность обращения. Нам, серенькому люду, который весь свой век прожил в провинции с ограниченными средствами, недоступна та среда, представлять которую – моя страсть: меня туда тянет... Не знаю, почему, но я люблю или все блестящее, известное, или же таинственное, неведомое; а такая середина, в которой я живу теперь, – нет, совсем не по душе она мне. Но что за глупость, – любить и думать о том, чего тебе не достичь, стремиться туда, куда никогда не попадешь! Вот страсть! И чего это я? Сознаю, что глупо до крайности, но как пьяницу трудно отучить от вина, так и меня от моей привязанности к недостижимому... Господи, дьявол вселился в меня, помилуй меня, окаянную грешницу... Нет, решительно надо идти в монастырь...

5 февраля. «Паки Голгофа и Крест, паки гроб и плащаница» – так, кажется, начинается одна из известных проповедей. У нас – «паки рыдание и плач, паки гроб»: умерла милая Лена Борисова. О. Клавдий при погребении сказал проповедь, пояснив нам ее счастье в смерти. Как она была хороша в гробу! Как невеста лежала она вся в кисее, с большим венком вокруг головы; красивый и при жизни профиль – у мертвой казался еще изящнее, темные брови и стрельчатые ресницы так нежно выделялись на бледном лице, губы слегка посинели, но еще сохраняли розоватый цвет, что придавало лицу несколько живой оттенок. Впервые пришлось мне «прощаться», и сердце у меня страшно забилося, когда я подходила ко гробу; увидев красивое, спокойное, ясное лицо покойной, я вся задрожала, сразу почувствовав всю свою ничтожность перед этим мертвым телом, и, пробормотав «невеста, невеста» – расплакалась, не хуже малого ребенка. Я вдруг узнала ничтожность моего «я», мне показалось, что я пигмей перед Борисовой, а она невеста. Вот она теперь увидится с Михайловской, встретятся они. Когда-то и мы все, весь наш класс сойдется там! Более половины из нас тогда уже будут старухи, а Борисова с Михайловской, бывшие старше многих из нас, – молодыми... А день был ясный, солнечный, кругом все было так оживленно, что я после невольно подумала: «Спящий в гробе мирно спи, жизнью пользуйся живущий»... Эх, суета!

3 марта. Соня влюблена, и, кажется, серьезно. – «Боже мой, что только иногда выкидывают дети!» – так ворчал старый адвокат из романа Мавра Иокая... Вот что Соня сказала мне сегодня: «Он надо мной такую силу, такую власть имеет, что скажи он в воду броситься – и я брошусь; для него всем пожертвовать готова, и если нужно для него голову отрубить – я дам».

В первый раз в жизни вижу пред собой влюбленную, говорю с ней и нахожу, что любовь – прелюбопытная штука: вот какие чувства и мысли приходят тогда на ум.

12 марта. Важная новость в мире политическом: кн. Бисмарк, гениальный «железный канцлер», объединитель Германии, вышел в отставку. 6 марта подал о ней прошение Вильгельму II, 8-го получил ее, с назначением генерал-инспектором кавалерии и с возведением в сан герцога Лауэнбургского. Все в Германии поражены этою отставкою, хотя, когда Бисмарк

подал прошение – все в Берлине были уверены, что Вильгельм согласится. Газеты приводят причины прошения Бисмарка. Одни уверяют, будто бы между Бисмарком и Вильгельмом возник спор по поводу речи, с которой император хотел обратиться к иностранным делегатам, приглашенным им же в Берлин по поводу рабочего вопроса; Бисмарк, как руководитель внешней политики, просил сделать в ней некоторые изменения, находя иные места неудобными для произнесения пред иностранными делегатами, – Вильгельм будто бы не согласился на эти изменения, и Бисмарк подал в отставку. Другие находят, что Бисмарк и император давно разошлись в политических взглядах, и третьи, наконец, утверждают, что Бисмарк уже стар, чтобы руководить политикой, и как будто бы не подходит по своим убеждениям к императору, «полному свежих сил». Последняя причина приводит меня чуть не в бешенство. Ведь Бисмарк – гений, известный всему миру: нет на земном шаре такой земли, такой столицы, такого сколько-нибудь значительного города, где бы не знали хотя бы его имени; о его заслугах пред отечеством знает всякий образованный человек; масса же, известная под названием «читающей публики», соединяет с его именем понятие о чем-то грозном, величественном, сильном; и Бисмарк не стар: несмотря на свои 70 лет, он два года назад, 25 января 1888 года, произнес такую речь, что вся Европа задрожала, в чем признаются те же газеты, которые называют его устаревшим. А кто поручится, что император, «полный свежих сил», будет таким же гениальным, как Бисмарк? О Вильгельме говорят, будто бы он намеревается быть «сам своим канцлером», т. е. дать место имперского канцлера такому человеку, который был бы просто исполнителем его личных распоряжений. Что Вильгельм II не из гениальных государей – доказывают его поездки с политическими целями, его визиты другим государям; его жажда к делам, естественно, происходит от молодых лет и, пожалуй, от избытка «свежих сил», которых ему некуда девать, но Вильгельм не будет вторым железным канцлером, не будет вторым Бисмарком.

Бисмарк уволен от должности имперского канцлера, президента Прусского Совета министров и министра иностранных дел. Князь Бисмарк фон Шенгаузен навсегда сходит с политической арены, и если бы когда-нибудь – чего вовсе нельзя безусловно отрицать – бывшему канцлеру пришлось снова выступить на нее, то явился бы герцог Оттон Лауэнбургский, говорит «Нов. Вр.». Как долго гремело это имя! Не помню, когда именно в первый раз я услышала это слово: газеты я начала читать с 7 лет, к политике же пристрастилась с прошлого года, когда телеграммы, вследствие сообщений о Рудольфе и Марии Вечера, стали очень интересны. Когда я подросла, то вполне свыклась с именем Бисмарка; и теперь, прочтя об его отставке, я была очень удивлена и поражена, в первое время мне показалась даже невозможной такая мысль: я воображала его смерть, похороны – на занимаемом им посту, воображала его памятники, но не отставку. Но невозможное, по моему, мнению оказалось возможным и уже совершилось. Мне ужасно жаль канцлера... Не глупо ли? маленькая, никому неведомая фигура сидит и расписывает о политике целые страницы своего дневника... Ну, никто не прочтет.

Сегодня отправила стихотворение Сони в «Север»...

17 марта. Странный человек, уч-ца Мирославская: ни одной фразы не скажет просто – все литературно, как-то вычурно-романично. Такую речь, как ее, даже слушать было дико; а когда я сказала, что рассержусь, если она не даст мне прочесть свои тетрадки, она не дала договорить и бросилась ко мне на шею со словами: «О, как я тебя полюбила!» Фраза очень театральная, романическая, но произнесена была совершенно искренно. Она, по ее словам, чувствует себя какой-то особенной с детства и сомневается, есть ли у нее дарование; это было высказано вновь в самых книжных оборотах речи, отчего казалось ужасно неестественным, и я посоветовала ей говорить более живым языком. Сомневаться в своем даровании – хорошо: чем меньше уверенности, тем лучше. Надсон сам возвел себя в таланты, а Буренин указал ему, что он только дарование, да и то невысокого разряда; поэт, уже больной, не мог вынести спокойно его нападков и умер. Пример очень поучительный для начинающих писателей. Кстати,

у Мирославской, как и у Сони, любимые поэты Надсон и Пушкин. – И здесь Надсон! – воскликнула я. Недаром же высказался один критик, что он своей поэзией «попал в самый центр гимназических идеалов и вожделений!». А кому нравится Надсон, след., нравится и лирика. О, эта лирика! Она, кажется, заполонила собою всю теперешнюю поэзию. «Пессимистическая просебятина» – выражение грубое, но верное. Каков бы поэт лирики ни был, но в его произведениях главный элемент – собственное чувство, в большинстве случаев склонное видеть во всем темную сторону...

6 апреля. Весна. Волга прошла, зеленеет трава. Как только начинает таять снег – здесь мне становится душно, скверно, тянет в Нерехту. О, если бы я могла там прожить все лето! Как только весна – так особенный бес, который сидит смирно всю зиму и осень, начинает во мне шевелиться, я места себе не нахожу... так и убежала бы куда-нибудь...

Смешно мне посмотреть на себя, что я думала прежде: в 12 лет я толковала о «цели в жизни», и чуть не плакала, доходя до отчаяния, что у меня ее не было; в 13 лет я плакала горькими слезами о том, что праздная бессодержательная жизнь в доме – по окончании курса – меня «затянет»; в 14 лет я, отбросив все мысли о «цели в жизни» и о жизни, меня ожидающей по окончании курса, прожила весь год счастливо, со спокойным сердцем; в 15 лет я имею «цель в жизни» и, как человек практический, придумала несколько выходов в случае, если не достигну того, что хотелось бы мне сделать. Что я не достигну – это очень вероятно: «много надо времени и много надо денег». Фраза эта беспрестанно у меня на уме...

Заметка. Моя дальняя родственница поступила в женский монастырь в Ростове, была умной старухой и сделалась игуменьей. Оба ее сына также поступили в монахи, один из них умер, другой – ученый иеромонах, живет в Афинах. Теперь я успокоилась: монахи и монахини в числе наших родственников есть, и еще не простые, а игуменья и иеромонах. Слава Богу! Увидеть бы когда-нибудь этого иеромонаха, расспросить его, отчего он поступил в монастырь и как сделался ученым; отчего он живет в Греции, какой там язык, жители, нравы, монастыри и монахи; какова была его мать, отчего она поступила в монастырь, словом – все о жизни этого семейства хотелось бы знать. Спрошу бабушку.

1 мая. О, мой дневник, послушай, что расскажу я тебе: вчера была в концерте Есиповой. Когда она играет, даже сомневаешься, человек ли это за роялем, или другое, сильное и высшее существо. *Венгерская рапсодия* Листа в ее исполнении «чудо силы и беглости рук». До сих пор мне никогда не приходилось слышать такой чудной, прекрасной игры. Что пред ней все наши учительницы музыки!

11 мая. Пробило половина пятого, и я, одевшись, отправилась в гимназию. Снимая пальто в прихожей, я с ужасом заметила мужскую шляпу: пришел, пришел... Все седьмые в полной парадной форме сновали взад и вперед по зале с учебниками и программами; года и имена разных исторических деятелей слышались отовсюду. Я опять плохо приготовилась к экзамену, русская, средняя, новая и древняя истории перепутались в голове.

– Который час?

– Шестой!

– Приехал вице-губернатор, приехал!! – с тревогой раздавалось кругом. Ну, думаю, совсем плохо мое дело, и, бросив книги, я достала из кармана свои фотографические карточки и стала раздавать их, кому следует. Мигом около меня собралась толпа... Время шло незаметно, и вскоре мы начали выстраиваться перед дверями портретной, по алфавиту, чтобы без шума усестись по скамьям. Извольте стоять пред затворенной дверью и мучиться приятным сознанием того, что вот-вот, сейчас тебя вызовут и достанется скверный билет! Наконец двери

растворились, и быстро, тихо, как мыши, мы пробрались за наши скамьи и очутились перед грозным ареопагом... Директор громко прочел первые фамилии.

Я сидела восьмою по счету и перелистывала листы истории, стараясь прочесть невыученное и просматривая любимые билеты. Программа наша изуродовала до неузнаваемости древнюю, среднюю и новую историю. Трудно было сократить ее больше, чем сократили мы. Достаточно сказать, что из древней истории (в 11 билетах!) мы знали немного о греках, спартанцах и римлянах; из средней – мы выпустили все главы о славянах, историю Австро-Венгрии, Франконский дом и падение Константинополя, заключив остальное в 9-ти билетах; из новой истории без всякого стеснения вычеркнули тридцатилетнюю и 7-летнюю войны и знали только одну историю Франции, начиная с Франциска Первого. Русская история была пройдена вся, но в программе в последнюю минуту нашли нужным вычеркнуть об Александре II и войну 1877 года (очевидно, билеты эти были признаны негодными к употреблению). «Что вы делаете с историей?!» – хотелось мне воскликнуть, когда я дрожащей рукою ставила скобки на этих билетах. С таким-то запасом знаний готовилось выпустить нас в педагогический класс наше начальство и учителя...

– Д-ва! – вызвал наконец директор, и я, стараясь не выражать на лице смертельного страха, взяла билет... на нем стояла цифра 6. Я подала билет учителю: из всеобщей истории. В программе значилось: «Начало Пелопоннеской войны. Никиев мир. Алкивиад». Я онемела от ужаса: билет был не читан... Дают ли переэкзаменовку по истории, мелькнуло у меня в голове... Положение было очень скверное: на выпускном экзамене вынуть неученый билет! приходилось рисковать хорошим аттестатом... – Я не могла некоторых билетов приготовить по домашним обстоятельствам¹¹, – тихо сказала я учителю, который громко повторил мои слова всему ареопагу. Все обратились к учителю:

– Она в году отлично училась, позвольте ей вынуть другой билет. – Я вынула 20-й.

– Опять из всеобщей, – сказал учитель, тревожно взглядывая на меня...

– Столетняя война. Жанна д'Арк? – Этот билет я знала хорошо, но – странное дело – 6-й билет произвел на меня такое сильное впечатление, что я забыла все о 100-летней войне и безнадежно посмотрела на учителя.

– Отвечайте из русской истории о Михаиле Федоровиче, – громко сказал он. У меня горло сжимало до того, что я отвечала тихим, прерывающимся голосом. Меня остановили:

– Расскажите о Дарии Гистаспе.

С трудом припомнив эту статью, я заговорила быстро, насколько могла: еще немножко, и я громко разревелась бы, как малый ребенок.

– Довольно... – Я вышла из класса в зал и тут только вздохнула свободно...

– Mesdames! страсть как режутся, – и подобного рода замечания так и лились кругом...

Экзамен кончился, все бросились к учителю.

– Сколько мне?

– «5». – Экзамен небывалый: никогда так ясно не выражались снисходительность учителей и мошенничество экзаменовавшихся.

28 мая. Ураа!! Серебряная медаль!! Аттестат!! Мама очень довольна, и я тоже: за лень медаль получить, это даже очень хорошо. «Вот сладкий плод ученья!» Теперь скорее в Нерехту, а пока дочитаю «Божественную комедию» – жаль, что не знаю по-итальянски...

29 мая. В своей проповеди, обращенной к оканчивающим курс, о. Клавдий увещевал всех жить благочестиво, говорил о самообразовании и молитве. А мне так и представилось, что на пустой середине церкви вальсирует одна из нас, как доказательство того, что некоторые из нас буду делать... Ирония? Нам бы учиться и учиться еще года 4 или 5, чтобы по выходе считаться образованными, а тут – самообразование предлагают.

Воспитанницы, куда вы разойдетесь, в какие стороны вас раскинет судьба? Будете ли вы богатыми невестами производить фурор в ваших захолустьях, будете ли вы просто жить дома, т. е. ничего не делать, или бегать по грошовым урокам? Может быть, будете сельскими учительницами и сгинете без вести в дальних селах; или замуж выйдете и на базар ходить будете с корзинкой на руке и грязно одетой прислугой позади? – Во всех случаях судьба ваша скверная, и не такую мне нужно... Господи, услыши молитву мою, вонми гласу моления моего. Я пойду в монастырь, если только сделаю то, что хочу сделать.

1 июня. Как хороши были те вечера, которые я проводила одна в Нерехте. Бывало, встанешь перед окном своей комнаты наверху и смотришь: внизу раскинулся темною массой город, не видно реки из-за темноты, за городом молчаливо чернеет лес. Нерехта спит, кругом все тихо, в маленьких домишках почти нигде нет огня. И тоскливо как-то становилось: нигде я так ясно не видела всю ничтожность человека, таких людей, как мы... На большой равнине, где-то в средней полосе России, меж зеленых лугов, затерялся городишко Нерехта; люди настроили себе крошечных домиков, живут в них, спят спокойно... А ночь величавая смотрит с неба на землю, покрыв ее темным покрывалом, и люди кажутся маленькими черными точками... тоска, тоска страшная... Как ни думай, а человек – муравей, нуль, ничто, несмотря на всю свою мудрость, все науки и изобретения; и с таким приятным сознанием придется прожить всю жизнь, до смерти...

Как часто играет судьба! Я нередко думаю, отчего я не родилась принцессой или от родителей, принадлежащих к высшему свету? О, тогда бы мне можно было возвыситься! У меня есть два желания, и одно из них – попасть в этот заколдованный круг, знакомый мне лишь по газетам и мемуарам... Нет, довольно думать о том, чему никогда не исполниться: ты будешь монахиней с четками в руках и псалтырем на аналое своей кельи... А до монастыря, т. е. до старости, надо много трудиться и учиться...

17 июня. В Нерехте провела время очень весело: прогулки за городом, катанье на лодке, интересные разговоры с бабушкой – все это совершенно идет вразрез со здешнею жизнью, полной нотаций, недовольства и всякого рода стеснений и запрещений...

6 июля. Вернулась с дачи около Москвы, где гостила у родственников. Какой там чудный лес! Небо голубое, деревья высокие, солнце светит, кругом – ни души, все тихо, и если бы можно было – я оставалась бы там целыми, целыми днями...

На дачу часто приезжали гости – купцы и комиссионеры. За обедом, когда собирались все вместе – молодежь и они – не было слышно никакого разговора, тем менее смеха и шуток; все молчали, лишь изредка перекидываясь фразами, вроде: «Он купил на 40 тысяч меди... и дешево». Молчание это не казалось мне странным или принужденным: я, по рождению русская купчиха, попав в круг людей коммерческих, где мне надлежит быть, сразу поняла, что купцу или приказчику – людям занятым – нет вакансий, как то бывает для «интеллигента», а поэтому они и устают больше, им не до болтовни...

Скверное впечатление производит Москва летом: пыльный воздух, грязно, шум. На улицах вывесок столько, что я удивилась, – где же живут покупатели для такого множества магазинов? Нет почти дома без вывески, часто очень неграмотной. От прежней, древней Москвы, столько раз описанной в романах, не осталось камня на камне: это другой город, выстроенный на месте старого. В одном стихотворении сказано: «Москва, как много в этом звуке для сердца русского слилось». Это правда; но вид Москвы, с ее летней духотой, суетой и шумом, не способен возбудить ни малейшего чувства. Только входя в Кремль, невольно проникаешься благоговением: так везде тишина, все соборы дышат чем-то спокойным, давно минувшим; невольно

вспоминаешь, чем была прежде Москва, какие в ней совершались события, и ниже склоняешься пред какой-нибудь иконой в сознании своего ничтожества.

22 июля. Странное впечатление производит единоверческая церковь: везде старинные иконы и живопись на старинный лад; глазу негде отдохнуть от этих сухих линий, этих неестественно выгнутых рук, ног и голов у изображенных святых. В богослужении нет почти ни одной неискаженной молитвы; поют даже такие, которые кажутся лишенными всякого смысла, напр.: «Милость мира, жертва и пение», вместо «жертва хваления». О, как велик бессмертный патриарх Никон! Слушая эту службу с диким, режущим ухо пением, я невольно изумилась: какой же силою воли должен был обладать человек, чтобы заставить современных ему людей служить по исправленным книгам. Стоявшие вокруг меня старообрядцы и старообрядки внимательно следили за каждым словом, точно боялись, чтобы не пропустили ни одного слова из этих старых книг. Порядок всюду наблюдается образцовый: войдя в церковь, берут маленькую подушку и, перекрестившись, кладут земные поклоны в разные стороны, держа подушку в обеих руках; подходя ко кресту, сперва идут мужчины, потом женщины, все с четками; за службой стоят, поджав руки, почти не крестятся, а в землю не кланяются совсем.

3 августа. Невозможно описать всю красоту Волги. Хороша она днем, освещенная ярким солнцем, кипящая жизнью; тогда она тянет к себе отдохнуть, развалиться и нежиться на зеленой душистой траве ее берегов. Ночью – ее природа величественно-прекрасна. Ночь имеет в себе что-то торжественное, таинственное, какова бы она ни была: бурная, грозная, с дождем и ветром – возбуждая особенный страх; тихая, звездная, ясная – принося благоговейное чувство. И часто останавливаешься пораженной, смотря на освещенную луною Волгу, покрытую отблесками тысячи синих переливчатых огней... В природе живет что-то, невольно заставляя говорить каждого: тише! Это – чудная красота неуязвимой природы. «А ночь – Небесные силы – какая ночь совершается в вышине!» – воскликнул бессмертный писатель. Иные ночи именно «совершаются», как таинство: есть нечто торжественное и таинственное в ярком мерцании звезд. Но мне в такую ночь еще хочется сесть на коня и скакать безумно куда-нибудь, только бы не видеть проснувшегося, душного города.

4 августа. Читаю теперь Надсона. Модный поэт, его любит, кажется, вся молодежь; начитавшись критических этюдов Буренина, я смотрю на него с предубеждением. В сущности, Надсон не повинен в своей славе, раздутой десятками его поклонниц из маленького огонька в большой костер, и так как вся его жизнь сложилась неудачно, – он был бы без нее несчастлив: получив плохое образование, он не знал корифеев иностранной литературы, был болен, беден, не особенно развит умственно – и среди всех этих несчастий ему протянула руку фортуна, он стал знаменитостью. Его смерть оплакивали тысячи, и долго, может быть, в глухих захолустьях России будут жалеть молодого поэта сентиментальные провинциалы, изнывая над его стихами, тогда как прочие забудут, стыдясь своего увлечения таким поэтом. Надсон – калиф на час; час его пока еще не пробил, конец, может быть, еще не близок, но время сделает свое дело. Надсон – поэт чувства; это чувство так и сквозит, плещет через край во всех его стихотворениях; он искренен – это несомненно; искренность чувства, выраженного в гладких стихах, да еще самое положение Надсона, по-моему, главным образом и положили начало его славы. От избытка чувств – он даже не ставил заглавий над стихами, и достаточно прочесть алфавитный указатель, чтобы составить себе понятие о поэте: «Я пришел к тебе. Я жду тебя. О любви твоей, друг мой. Умерла моя муза. Друг мой, брат мой» – вот названия, встречающиеся на каждом шагу. Стихотворения Надсона отчаянно молоды, чересчур, до смешного; в них нет силы, той железной силы, которая придает такую красоту стиху; он примиряет, но сам не может поднять руку с оружием – у него нет для этого мощи. Изящное по задушевности тона стих. «Страничка

прошлого» напоминает личность поэта и не в его пользу: сразу вспоминаешь, кто написал эти стихи, и другие читаешь уже осторожно, не увлекаясь. Оттого так приятно, среди бездны этого «чувства», наткнуться на стихотворение вроде «Песни Мефистофеля»: кажется, что писал его другой поэт, только не Надсон. В заключение скажу, что посмертные стихотворения, за малыми исключениями, не следовало бы печатать, – почти все они состоят из десяти строк и все не окончены. Мастерски написанное одно стихотворение Полонского – «На смерть Надсона» – лучше всей поэзии поэта; читая это произведение одного из Мафусаилов современной русской поэзии, чувствуешь не рифмованное нытье, а глубокое сожаление старца о даровитом юноше.

15 августа. Сегодня мне исполнилось 16 лет! Я вполне горжусь своими годами: приятно сознавать, что, в некотором роде, уже совершеннолетняя... Теперь читаю романы. За 1½ месяца прочла их не меньше 10 книг, все французские. Глупы они страшно, но не могу отстать от них. Передо мной лежат Руссо, de Staël, а в руках «Les exploits de Rocambole»¹² – и классики забыты, забыта ночь, – я не существую, а живу с каким-нибудь Rocambole или sir Williams... И эту страсть преодолеть не могу.

30 августа. Встречала о. Иоанна Сергиева, о котором в последнее время так много говорят и пишут. Я видела его близко, и меня поразили полузакрытые, необыкновенно яркого голубого цвета глаза: они смотрели куда-то вдаль, не замечая никого из многочисленной толпы. Нежно-розовый цвет лица, юношеский румянец и голубые глаза о. Иоанна невольно поражали: он казался молодым, тогда как волосы и борода указывали настоящий возраст. Выражение лица у него было кроткое; благословляя народ, он говорил: «Здравствуйте, други мои», «Велико имя св. Троицы». Его слова были для меня странными, необыкновенными: кто-то «не от мира сего» явился с приветствием в грешный мир.

1 сентября. На уроке в нашем восьмом классе. Учитель педагогики сказал:

– Человек после недолгого занятия наукой чувствует легкий аппетит; если же занятия будут слишком усиленны, то тело разрушится и человек умрет.

Вызвал повторить одну из нас:

- После занятия мы чувствуем аппетит.
- А если мы будем дольше заниматься?
- Аппетит усиливается. – Мы рассмеялись.
- Зубная боль есть боль телесная?
- Нет, нервная – был ответ...

12 сентября. Была у А-вой; играл ее учитель Балакирев, и она собрала некоторых своих учениц слушать его. Боже мой, как может играть человек! Он делал с роялем, что хотел: он говорил, пел, плакал, звенел под его руками! О, несравненный артист! Когда он окончил, я встала, у меня ноги дрожали, в ушах звенели последние аккорды – и я даже не поблагодарила хорошенько мою учительницу. Мне снилась ночью его игра и он сам, седой, великолепный старик. Я люблю его всей душой за его игру... о, если бы услышать его еще раз!

22 октября. Когда я умру? Что ждет нас там, в другом мире? Будем ли мы действительно жить вечно, как сказано в Евангелии. Я не могу этому верить: жить вечно слишком страшно, но и уничтожиться без всякого следа тоже не хочу. Как же быть? Я думаю, думаю и ничего не могу решить... «Жить вечно», какой ужас! Если вдуматься в это слово, можно с ума сойти; я иногда думаю долго, и потом чуть не кричу от ужаса... Ах, если бы можно было убить душу, а тело оставить на земле жить и наслаждаться.

23 октября. Прочла два романа Гюго: «Человек, который смеется» и «93-й год». Первый из них произвел на меня сильное, поразительное впечатление. Пошлы и ничтожны кажутся с двумя этими странными, но прекрасными произведениями другие, прочтенные мною романы, где говорится только о любви. Сейчас начну читать Стендаля «Красное и Черное».

25 октября. Вчера был акт. Я ужасно боялась выходить за медалью и дрожала, стоя в первом ряду. Хорошо помню только ту минуту, когда ко мне протянулась рука губернаторши с раскрытым футляром, на темно-синем бархате которого резко выделялась большая серебряная медаль. На акте присутствовало много множество лиц в парадных мундирах с золотым шитьем. Я полагаю, что их пригласили более для красоты вида: мундиры очень хороши, а из некоторых изящных «знаков отличия» я с удовольствием сделала бы брошку...

18 ноября. Нельзя ли уйти хотя на неделю из дома? Три года продолжается эта жизнь; прежде я возмущалась – теперь чувствую смертельную усталость... И в этой бессмысленной сутолоке жить еще 5 лет!

Педагогика никак не дается, она мне расстраивает нервы, я – как разбитое фортепьяно. Быть тем, к чему нет призванья, не заставишь; меня же ломают, но я не поддаюсь. Я высоко ценю истинных педагогов и всегда узнаю их, но чтоб самой быть им – никогда! Это слишком трудно, почти невозможно.

2 декабря. На здешней сцене было представлено «Горе от ума». Боже, во что превратилась эта гениальная комедия! Софья говорила, как старая сентиментальная дева, Чацкий орал, позировал, то и дело ударяя себя по бокам. Говорят, будто бы артист от волнения перед началом пьесы упал в обморок, даже хотели спектакль отменить, что было бы гораздо лучше. Остальные исполнители были карикатурами тех, роли кого они исполняли. Внешняя обстановка и костюмы довершали редкий «ансамбль»: Софья была одета в платье прошлогодней моды, Чацкий – как сидевшие в партере мужчины, Лиза – в коленкоровом зеленом платье французской субретки. Студенты неистово хлопали в ладоши, шум и гам стоял невообразимый. Мне было скучно...

1891 год

1 января. С Новым годом!.. Я встречу их здесь еще 4, и затем... куда? За границу? Кем лучше быть – профессором или купцом? Всего лучше быть губернаторшей, тогда бы я много сделала для нашей гимназии. Сегодня мне весело...

1 февраля. Утром посмотрела на себя в зеркале: на меня смотрел урод! Да, это печальный факт, я чуть не бросила зеркало, но сколько ни искала хоть привлекательной черты на лице своем – не находила, и все более убеждалась в своем собственном уродстве: предо мной была одна из тех физиономий с грубыми чертами, которые я положительно ненавижу... А скоро бал. Мучительное сознание собственной неловкости и незначительности уже теперь охватывает меня... Скверно, скверно!.. После бала я буду на положении Настеньки из «Тысячи душ» в ее первый выезд в свет, с тою только разницей, что с ней хоть один танцевал, а со мною никто не будет...

23 марта. Как давно не раскрывала тетради. Теперь я гораздо более люблю думать, чем братья за перо; для меня дневник уже не место излияния моих мыслей и чувств, как прежде, а так – тетрадка, которую раз, много два, в месяц возьмешь в руки и запишешь кое-что, если есть время... На днях с П. кончили писать комедию «Провинция»...

19 апреля. Неужели это не сон, и «Крейцера соната» в моих руках? Ах, как весело! Снова начинаю верить в свою счастливую звезду. Звездочка! свети мне чаще и ярче, свети так, как светила сегодня, будь умница... Как хорошо! И какой я наклею нос моей почтенной наставнице! – «Не читайте, Лиза, этого произведения, если даже оно и попадетсЯ вам в руки». А я делаю как раз наоборот...

И то, о чем я даже не мечтала, считая невозможным, исполнилось так просто и легко. У знакомого адвоката заговорили, между прочим, о «Кр. сон.», и я призналась, что мне и думать нечего ее прочесть (я вообще равнодушно относилась ко всем толкам и разговорам об этом произведении, именно вследствие невозможности прочесть его самой). П.П. засмеялся:

- Да вот, она у меня, не хотите ли посмотреть? – Я удивилась, едва скрыв свое смущение.
- Хоть бы «посмотреть» – и то хорошо.

Принес. Я осторожно полистала; вероятно, на моем лице изображалась смесь удивления и почтения, которое я чувствую ко всем произведениям Толстого. Заметив это, кругом засмеялись. Шутя, я уверяла всех, что буду помнить по крайней мере, как держала в руках эту тетрадку. Мне очень хотелось попросить ее прочесть, но я не смела, считая это невозможным. Вдруг, к моему великому удивлению, П.П. предложил мне дать ее прочесть. Я обрадовалась и на вопросы – не узнает ли мама – сказала, что никто ничего не узнает.

– Мы с вами вступаем в заговор, – смеясь, заметил адвокат. Я простилась и ушла с драгоценным свертком.

22 апреля. Только что кончила читать «Кр. сон.». Я читала ее, наслушавшись разных суждений и толков, которые сводятся к одному: окружающая жизнь становится противной и гадкой, вследствие страшно тяжелого впечатления от произведения. Содержание, само по себе, действительно, ужасно. Рассказ Позднышева – это целая поэма страшных страданий, почти непрерывных нравственных мучений. Невольно удивляешься, как это люди выносят такую жизнь? Но и Позднышев не вынес ее до конца, иначе – он сошел бы с ума. Тонко и глубоко затронул Толстой все стороны души человеческой... Но, может быть, вследствие моего полного незнакомства с отношениями мужчин и женщин, незнания жизни и каких-то страшных

пороков и болезней, – на меня «Кр. сон.» не произвела чрезвычайно сильного впечатления, и, прочтя ее, я не усвою себе «мрачный взгляд на жизнь»...

14 мая. Я писала в прошлый раз о «Кр. сон.», но мне так хотелось спать, что я прервала свои рассуждения. Может быть, это и хорошо?

Я помню, когда читала «Анну Каренину», то зачитывалась ей до того, что все забывала: мне казалось, что я не существую, а вместо меня живут все героини романа. Такое же ощущение испытывала я, читая «Кр. сон.», она притягивала меня к себе, как магнит. Это чисто физическое ощущение. «Кр. сон.» не только не произвела на меня «ужасного» впечатления, а наоборот: я и прежде любила произведения Толстого, теперь же готова преклоняться перед ними. Многие писатели описывали и семейную жизнь и стремились дать образец народной драмы – и никто из тысячи писателей не создал ничего подобного «Кр. сонате» и «Власти тьмы». Я жалею, что мое перо не может ясно выражать моих мыслей. Я могу сказать, но не написать; говорить легче. Пока жив Толстой, пока он пишет – нельзя говорить, что наша литература находится в упадке: Толстой сам составляет литературу. Теперь то и дело раздаются сожаления: талантов нет, посредственностей много, ничего хорошего не пишут. Ну, и пусть талантов нет и посредственностей много: гений один стоит всех талантов и посредственностей. Оттого-то они и редки. В нашей литературе в один век явилось три гения; явится ли столько же в будущем столетии? – Наверяд ли. – Так имеем ли мы право жаловаться? – Нет, нет и нет... Может быть (!), я буду иметь случай прочесть «Исповедь» Толстого. Вот бы хорошо!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.